

**Геннадий
Панов**

Литературное
наследие
Алтая

Сергей Жуков

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная научная
библиотека им. В. Я. Шишкова

Геннадий Панов

Избранное

Барнаул · 2022

*Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках губернаторского издательского проекта
«Литературное наследие Алтая»*

Редактор-составитель: С. А. Мансков
Художественный оформитель: А. Н. Шелепов

Панов, Г. П.

П 165 Избранное / Геннадий Панов ; [ред.-сост. С. А. Мансков] ; М-во культуры Алтайского края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2022. — 272 с. : [1] л. порт., ил., 2022 – К. М. Паршина.

Геннадий Петрович Панов (1942–1992). Родился в г. Новокузнецке Кемеровской области. Детство и юность прошли в с. Паново Ребрихинского района Алтайского края.

Окончил Барнаульский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

Г. П. Панов автор поэтических книг, изданных в Барнауле и в Москве.

Много лет Геннадий Петрович посвятил изучению «Слова о полку Игореве», в 1983 году создал его собственное поэтическое переложение.

В память о нем в Алтайском крае учредили литературную премию. Ее вручают на литературном празднике «Пановские встречи».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93958-007-6

ББК 84(2Рос-Рус)6-5 кр.

© Г. П. Панов, 2022
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2022
© С. А. Мансков, редактор-составитель, 2022
© К. М. Паршина, иллюстрации, 2022
© А. Н. Шелепов, макет, 2022

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сергей Мансков: «Сам поймёшь: без малой родины
нет понятия – большой» *стр. 09*

Из первого сборника «Доброта» (1966)

«Хожу в деревне...» *стр. 14*

«Часто слышу...» *стр. 16*

«И вот опять в Паново я...» *стр. 18*

Пень *стр. 20*

Доброта *стр. 21*

Иду на вы! *стр. 22*

Голубые снега *стр. 23*

Кольцуют птиц *стр. 25*

Дед *стр. 26*

Пушкинское *стр. 28*

Тётя Варя *стр. 29*

Из книги «Застава» (1970)

Дунькина роща *стр. 32*

Дед Сысой *стр. 34*

На Новодевичьем кладбище *стр. 35*

Гур-Эмир *стр. 36*

Осенняя сказка *стр. 38*
Стихи о таёжной собаке *стр. 39*
«Дождь пошёл. В июльском поле за мостом...» *стр. 41*
«Это осень горит!» *стр. 42*
Изба *стр. 43*
«Вот выстрелить почкам...» *стр. 44*

Из книги «Июнь» (1975)
Баллада 1942 года *стр. 46*
Сладкий пряник *стр. 48*
День победы *стр. 50*
Алтын-Кёль *стр. 52*
Ветка горного кедра *стр. 53*
Встреча с песней *стр. 54*
Пряха *стр. 55*
Подсолнухи бабушки Веры Мокеевны *стр. 57*
О всём хорошем на земле *стр. 59*
«Я приехал в родную деревню...» *стр. 60*
«У калины гроздь красивая...» *стр. 61*
«Ещё весна – не в силах...» *стр. 63*
«Пролились тучи и ушли...» *стр. 65*
«Третья стужа застеклила лужи...» *стр. 66*
Обращение к сыну *стр. 67*

Из книги «Отрада» (1977)
«Есть в судьбе такие даты ...» *стр. 72*
«Неважно – ныне иль давно...» *стр. 73*
«К чему копить полуобиды...» *стр. 74*
Имя твоё *стр. 76*
«Шуршит по травам рыжая листва...» *стр. 77*

- Из книги «Отчина» (1984)
Вокруг Есенина *стр. 80*
«От холода шубой себя омедведишь...» *стр. 81*
Спозаранку *стр. 82*
В сибирской степи *стр. 83*
На займище *стр. 84*
Зёрна вечного колоса *стр. 85*
«Завари листом смородинным...» *стр. 86*
Седина *стр. 92*
В весеннем бору *стр. 93*
Сивка-Бурка, верный конь *стр. 94*
- Из сборника «Наедине» (1990)
Знахарь *стр. 98*
Русский складень *стр. 100*
На лесоповале *стр. 104*
«Где она, большая вода...» *стр. 106*
Полоса отчужденья *стр. 107*
«Среди долины ровныя» *стр. 109*
Перечитывая «Капитанскую дочку» *стр. 110*
Берёзовое чудо *стр. 111*
Если корни древа подсесть... *стр. 112*
Старушка-побирушка *стр. 114*
У могилы М. С. Шукшиной *стр. 115*
«Летний полдень...» *стр. 116*
Второе августа *стр. 117*
«Ах, эта утренняя тишь...» *стр. 118*
Сельской школе на родине *стр. 119*
Огонь взыскующий *стр. 120*
Снегири *стр. 122*

- Из книги «Завет» (2002)
- «Это утверждается навеки...» *стр. 124*
- «В век активной реактивной тяги...» *стр. 125*
- «Колышется жаркое жито...» *стр. 127*
- Этюды сибирской зимы *стр. 130*
- У озера *стр. 134*
- На Чуйском тракте *стр. 135*
- Творец Игоревой песни *стр. 136*
- Холмы и думы *стр. 137*
- Посевная, сенокос, страда *стр. 143*
- Паново (Поэма-хроника) *стр. 146*
- У большой воды (сказка о земляках-барнаульцах) *стр. 176*
- Твердь-земля (Цикл сонетов) *стр. 189*
- Шукшинская калина (Венок сонетов) *стр. 196*
- «Слово о полку Игореве». Поэтическое переложение. *стр. 209*

«Сам поймёшь: без малой родины нет понятия — большой»

Тридцать лет прошло после ухода Геннадия Петровича Панова. Срок большой и дающий право оценивать его наследие по гамбургскому счету. Среди поэтов семидесятых-восемидесятых годов он активно выделялся, благодаря глубокому голосу, умению выступать, четкой мировоззренческой позиции. И слову «гениально», которое он щедро раздавал коллегам по цеху и часто самому себе. Читая поэтическую публицистику Панова, ловишь себя на ощущении, что читаешь учебник истории. Советской истории. Будучи человеком своего времени, Геннадий Петрович верил в первых комсомольцев, в коллективизацию, в мавзолей, в XX съезд. В перестроечную ломку болезненно удивлялся, как меняется мир и уходит любимый традиционный уклад. С третьего сборника «Июнь» литератор обращается к нашим традиционным архетипам. Самый большой кусок плодородной земли за Уралом по сегодняшний день живет сельским хозяйством, для которого характерны мощная культурная корневая система, консерватизм, любовь к малой родине.

«Большая тройка» алтайских поэтов (Л. Мерзликин, В. Башунов, Г. Панов) создают национальный образ мира, но строят собственную вселенную из разных «кирпичиков». Казалось бы, используется схожая образная система: поля, деревья, птицы, дом. Но там, где коллеги ориентируются на лучшие образцы «тихой лирики», у нашего героя прорывается громкое высказывание.

Панов не может писать гладкописью – ему необходимы неологизмы и акцентный стих. Рваная строфика, восходящая к В. Маяковскому и Р. Рождественскому (близкому Панову еще и песенным началом) позволяет реализовать себя как гражданина.

В Ребрихинском районе Геннадия Петровича любят особенно: издают книгу воспоминаний, проводят ежегодные пановские чтения. И это заслуженно. С первого сборника «Доброта» поэту удастся сформировать географический центр мира – село Паново. Он может использовать другие топонимы или восхищаться красотами Горного Алтая, но ценностным и личным мерилom любой (включая поэтическую) деятельности является его малая родина. Русская история, Бытие переосмыслиется исключительно через это пространство. Паново становится «литературным фактом» (замечание В. Дубровской). Читая его поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», невольно ожидаешь встретить этот топоним в ряду Неправды, Дона и Донца.

Эта не самая большая по размерам и всероссийской значимости земля отцов, Отчина, позволяет понять русскую историю в целом. Не случайно одним из самых частотных пановских союзов в сильной позиции начала строки является соединительный союз «и». Малая родина – это и переселенцы из центральных российских губерний, и воины Великой Отечественной войны, и покорители целины, и родственники, и я сам. В поэме-хронике «Паново» все эти явления соединены в единый континуум и дают картину русского космоса. Слово «русский» в исследуемом поэтическом мире дается исключительно в положительных коннотациях «русская душа», «русская воля», «русская сила», «русская песня» и т. д. И это не вызывает отторжения в одном из самых моноэтнических регионов, где проживает 92% государствообразующей нации. Практически в каждом втором стихотворении первых сборников

встречается слово «Россия», но оно скорее формирует избыточный пафос и ненужную публицистичность. Через тридцать лет после смерти поэта проверку временем выдерживают именно стихи о родном быте, семье, малой родине. А высокая гражданственность остается эхом, в том числе и в литературной премии имени Геннадия Петровича Панова. Ее получают авторы, основными чертами которых являются «подлинная гражданственность, тревога и обеспокоенность за судьбу малой родины».

Практически в каждом сборнике стихов встречается множество посвящений. Они адресованы друзьям детства, культурным героям эпохи. Среди них Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Валентин Курбатов и многие другие. Несомненны влияния на поэтическую манеру пушкинских, есенинских и рубцовских текстов — отсылка к ним дается в многочисленных эпиграфах.

Со сборника «Отрада» Панов становится поэтом-экспериментатором, пытаясь освоить сложные формы триптиха, пятерика, цикла сонетов и венка сонетов. Все чаще его поэтические книги завершают нелинейные поэмы, со сложной внутренней организацией. Вершиной этой ученой версификационной работы становится вольный поэтический пересказ «Слова о полку Игореве». Ему было отдано 20 лет труда и погружения в отечественную историю. Древнерусская тема присутствует с самого начала — уже в первом сборнике есть стихотворение «Иду на вы» с главным героем князем Святославом. Обыгрывается этот мотив и в личной истории — с именем ребенка поэта Ярославом в «Обращении к сыну». В сборнике стихов «Сын села» современники вспоминают о мощном эмоциональном фоне поэта при работе над этим текстом. Геннадий Петрович делился новыми открытиями из стихии древнерусского языка восторженно. В изданной главной отечественной филологической «меккой» (Институт русской

литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук) пятитомной «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» этот труд занимает место в одном ряду с переводом Н. Заболоцкого. После публикации в 1983 году работа над переложением не остановилась. Историк С. Цыб выявил около 50 исправлений, которые приблизили пановскую поэму к аутентичному древнерусскому оригиналу.

В этом издании публикуется вторая (исправленная) редакция 1984 года.

Том «Избранное» состоит из трех частей. В первой объединены лучшие стихотворения из сборников Г. П. Панова. Некоторые стихи имеют несколько редакций, но публикуются в варианте, который был подготовлен для печати в конкретном сборнике. Второй блок – сложные поэтические формы – подобраны по принципу «от простого – к сложному». Здесь тексты даются не в хронологической последовательности. Третью часть книги сформировало вольное поэтическое переложение «Слова о полку Игореве». Все стихотворные произведения публикуются по сборникам Г. Панова «Доброта», «Застава», «Июнь», «Отрада», «Отчина», «Наедине», «Завет».

Редактор благодарит «музейного ангела» Елену Огневу за возможность изучать фонды в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая и «библиотечного ангела» Наталью Сычеву за – ставшую уже традиционной – помощь. Отдельное спасибо сыну Арсению за техническую поддержку при работе с поэтическими текстами.

Сергей Мансков

Из первого сборника
«Доброта»

1966

ХОЖУ В ДЕРЕВНЕ...

Хожу в деревне,
 частушки слушаю,
Лечу деревьями
 шальную душу.
Дышу деревьями,
 землёй
 и солнышком...

Два деда древние
 сидят на брёвнышке.
Должно, про жизнь свою
 выводят говором:

Слова
 мужицкие
 стекают в бороды.

Спросил их:
– Старые,
 о чём толкуете?
– Да вот, касатик,
 об этом культе.

И больше, кстати,
 про местный культ:

Вот председатель
 у нас был тут.
Сидел в конторе –
 сам бог и царь,
Никто не спорь с ним,
 решал всё сам.

И вот опять в Паново я,
где сосны — как папахи,
а все мужчины — кумовья,
а женщины все — свахи.
А я сижусь среди дядей
в почёте, словно Шолохов,
И в голове моей идей
как семечек в подсолнухе.
Сижусь, как с равными, курю,
рассказываю случаи.
Я как-то больше говорю,
а дядьки больше —
слушают.

Хотя и сами – ай да ну! –
в карман не лезут за словом.
И про куму, и про луну
поговорят на зависть вам.
А я с себя сбиваю спесь:
зарвёшься – дело плёвое!
Подсолнух ранний – мудрость есть –
воробьи выклёвывают.

ПЕНЬ

Он стоит у обочины,
как бобыль,

без опят.

Мхом чуть-чуть отороченный,
жизнью мят-перемят.

Видно, кованым следом

(пень останется пнём!)

часто чья-то телега злость

срывала на нём.

ДОБРОТА

Я слепо верил в мудрость пальцев
и в доброту разжатых рук...
Рычали тучи, рассыпая
дождя серебряную ртуть.
Дождинки падали
на камни,
а мне их было очень жаль.
Я жадно их ловил руками,
чтоб на ладонях удержать.
И задыхался,
как бессильный,
свою медлительность кляня.
А их ждала под камнем
пыльная,
ненапоённая земля.
Их путь короткий был оправдан:
разбившись,
встать штыками трав!
А я в своей наивной правде
был до жестокости неправ.
И в первый раз,
сжимая жалость
в тяжёлых,
как вина,
руках,
я ощущал, как возмущалось
добро в зажатых кулаках.

ИДУ НА ВЫ!

Безмолвные следы столетий
хранят в степях

курганы,

рвы.

Здесь Святослав,

еще не встретясь,

бросал врагам:

– Иду на Вы!

В курганах спят былого песни.

Но вечна мудрость старины:

залог победы –

это честность,

а не обход со стороны.

Залог победы –

это вызов...

И мы по-своему правы,

когда твердим, рубашки выжав:

– Ты слышишь, жизнь,

иду на Вы!

ГОЛУБЫЕ СНЕГА

Я хочу рассказать,
я смогу рассказать,
как Алтай выростал у меня на глазах.
Степь ударилась в гордые горы –
и в Долине Свободы сошлись
ветровая удадь просторов
и хребтов богатырская высь...
И под ноги
 ковром
 расстелила тайга
голубые снега,
голубые снега.
Сын степи –
у меня, как озёра, глаза,
и клокочут ветра кулундинские в горле...
Но что есть на земле
снежно-синие горы,
я не думал,
 не видел,
 не знал.
Я шагал по тропе, снег искрился и пел
рассыпавшимся солнечным смехом...
А ты знаешь, чьим именем
 синее эхо
поднимало меня по тропе?
Я за ним называл:
 – Онгудай, Улаган!

Кедры снег осыпали стихами...
А ты знаешь,
 как ночью в тайге
 полыхают
голубые снега, голубые снега?
Я не верю в приметы.
Я убеждён: что черно – то черно,
то что белое – белое...
Ну, а мне говорят,
 если снег голубеет,
значит кто-то в тебя
 очень верит и ждёт...
Ночь...
 Чернея, к окну подступила тайга.
Ночь...
 И звёздная пыль закуржавила стёкла.
Ночь как ночь...
 Но к чему полыхают за окнами
голубые снега,
голубые снега?

– Ты бы, старая, помолчала,
где положено вам молчать,
ты бы книжки лучше читала,
чтобы попусту не ворчать.

И он,
в лики святых не верящий,
ей доказывал,
что Толстой —
самый что ни на есть первейший
на Российской земле святой.

ПУШКИНСКОЕ

Брожу в лесу, листаю Пушкина,
читаю,

думаю о нём.

И, как при Пушкине, опушки
горят торжественным огнём.
И сопрягая суть полёта
с движеньем строчки гулевой,
как плащ опального поэта,
шумит листва над головой.
Здесь всё – его. И всё творит
его – с листвы и до иголок.
И старый гриб среди травы,
как пушкинская треуголка.

ТЁТЯ ВАРЯ

Спой нам песню, тётя Варя,
длинную, горячую,
как колечко потерялось
да со правой рученьки.
Ах, куда оно спряталось,
где колечко отыскать?!.
Только прядки, только прядки
серебрятся у виска.
Тётя Варя, ты косила
с мужиками наравне.
Тётя Варя, ты в России –
как пшеница на стерне,
та, что ты в войну растила,
подгибала на серпы...
Сколько силы для России
Уложила ты в снопы,
Сколько силы, сколько силы
раздарила, не скупясь!..
Тётя Варя, я России знать не знаю без тебя...
Спой нам песню, чтобы легче
становилось на душе,
чтобы с женских рук колечко
не терялось на меже.

Из книги
«Застава»

1970

ДУНЬКИНА РОЩА

П. Бородкину

Люди деют своё —
вот и рощи не стало.
Встал на место её
институт в полквартала.

Лишь четыре сосны,
одиноких и тонких,
до двадцатой весны
доросли на бетонке.

Я наукам не враг
и не нанялся, в общем,
чтоб оплакивать так
эту самую рощу.

Вырубают леса
не такого масштаба...

Здесь сходились сердца
первомайского штаба.

Это было давно
и недавно бы вроде.
Пимокат под сосной
говорил о свободе.

И впервые она,
нелегальная хромка,
«Интернационал»
выводила негромко.

Ныне он так окреп,
как не снилось тогда им.
Ныне молот и серп
полноправный хозяин
от иголки простой
до глобальной ракеты..

Жаль, что рощицы той
с нами всё-таки нету.

ДЕД СЫСОЙ

Дед Сысой не спал перед грозой,
Лишь гроза — и на порог быстрее,
сядет, курит, вслушиваясь в гром.

...Дед Сысой оглох на батарее,
в Сталинграде —
в 42-м.

НА НОВОДЕВИЧЬЕМ КЛАДБИЩЕ

Памяти М. Светлова

Неужто смерть по-своему права:
из-под плиты не прорастёт трава,
не грянет в небо эхо голосов
под купола безлиственных лесов?

Остановись и сердце приглуши,
пускай оно в молчании пребудет...
Лежат на Новодевичьем в тиши
большие, государственные люди.

Гранитный сон смежил раскрылья век,
и плиты – как гранитные шинели.
Как тихо умирает человек,
как громко в мир кричит из колыбели!

Растут стихов бессмертных тиражи,
и снятся детям сказки в предрассветье...
Как мало отпускается на жизнь!
Как много отдаётся на бессмертье!

ГУР-ЭМИР¹

Я живу на земле как грешник,
и когда мне придёт хана,
не потребуется, конечно,
усыпальница-гурхана.
Мне сколотят приличный ящик —
и вселяйся без всяких виз!
А пока я с толпой гудящей
опускаюсь куда-то вниз.
Не могильщик и не покойник —
Мне не к спеху пока в тот мир..
Здесь покоится беспокойный,
прогремевший в веках эмир.
Каждый камень тут полит кровью,
И, конечно, не в наши дни
тот зелёный нефрит надгробья
почернел навсегда над ним.
Завтра я отсюда уеду,
может быть, напишу о нём..
Блещет купол, подобный небу,
и купается солнце в нём.
Ослепительное явление —
этих красок с небом союз.
Шапку — прочь!

¹ Гур-Эмир — мавзолей в Самарканде, выстроенный по повелению Тимура.

Преклонить колена
при народе не побоюсь,
Перед теми, кто это чудо
не заказывал, а свершил...
Я иду. Суеются люди
и машинами век шуршит.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Н. В.

Через года, что замкнуты, как круги,
Ищу твои спасительные руки.
Средь бела дня аукаю в лесу —
но хлещут ветки

резко

по лицу!

И снова молча за моей спиной
осенний лес смыкается стеной.

А может, это сказка наяву:
лесной пожар,
рябиновые кисти
и эти медно-медленные листья,
что падают и падают в траву?

Лишь кольца жизни на смолистом пне
про бытие напоминают мне.
...Через года, что замкнуты, как круги,
ищу твои спасительные руки.

СТИХИ О ТАЁЖНОЙ СОБАКЕ

Кто-то не понарошке
едет в Крым, в Коктебель,
А у Женьки – сторожка
да казённый кобель.

Прямо возле крылечка,
где кончается глушь,
с гор спускается речка
и зовётся Челюш.

Я сейчас не о Женьке
(Женька где-то в Беле),
я пишу с уважением
о его кобеле.

По натуре собачьей
не лишён доброты,
он не раз, между прочим,
был с медведем на «ты»,
и в отчаянных схватках
(всех отметин не счесть!)
не имел он повадки
уронить свою честь.

Кто – неважно, однако
был тот некто нахал,
кто впервые собаку
лучшим другом назвал.

Тут без тени сомненья
(заявлю хоть в ООН!)
с ним расходится мнение
у одной из сторон.
Поясню на примере:
ведь не с каждым из нас
ты пошёл бы на зверя —
как ты думаешь, Барс?!

* * *

Дождь прошёл. В июльском поле за мостом
пахнет воздух свежавымытым холстом.

Я лежу среди белобрысого овса,
надо мной парят высоко небеса.

И такая тишина, что слышишь сам,
как восходит в колос влага по овсам.

Лишь над полем, словно врезавшись в лазурь,
самолётик —
как сориночка в глазу.

* * *

Это осень горит! –
видишь: листья, краснея, дрожат.
Это осень горит! –
ветки гроздьа устали держать.

Скоро выпадет снег –
и над миром взойдёт белизна,
скоро выпадет снег –
как предчувствие белого сна.

Скоро выпадет снег..
А пока так легки облака,
лес стоит, как во сне,
и колеблется тихо река.
Видишь: листья осин,
догорая, дрожат на ветру..
Скоро выпадет снег.
Неожиданно так.
Поутру.

ИЗБА

Живу в бревенчатой избе,
и ставни красные в резьбе.

А от порога, от крыльца
идут дороги в три конца:
направо – лес, налево – луг,
а та, что прямо, – по селу.

Когда усталая планета
спит беспокойно в тишине,
в избе задолго до рассвета
вдруг вспыхнет чуткий свет в окне.

И, подпирая мир углами
(их прочно ставили на мох!),
изба стоит, как в сказке камень,
на перепутье
всех дорог.

* * *

Вот и выстрелить почкам
подспела пора.
Сизокрылая почта
ходит в небе с утра.

И взобравшись на прясло,
золотистый петух
с красной ноты прекрасно
пробасил во весь дух.

И пошли, как поэты,
петь друзья по перу...
Пласт земли перегретый,
солнцем пахнувший сруб.

Золотая Россия!
Вера, верба, ветла
нас под сердцем носили,
чтоб ты в сердце жила.

ИЗ КНИГИ
«ИЮНЬ»

1975

БАЛЛАДА 1942 ГОДА

Опалённые огнём,
под дождём свинцовым
Шли бойцы усталым днём
по степи Кольцова.

Рожь цвела — сойдёшь с ума —
наливалась силой,
и трава давно сама
на косу просилась.

Но жужжала не коса —
длинно пели пули.
И споткнулся комиссар
посреди июля.

Он упал и синеву
пил прощальным взглядом.
А ему б косить траву
в поле до упаду,

чтобы жар гудел в руках,
чтоб ломило плечи,
чтоб с землёю к облакам
уплывать навстречу!..

Бил по травам, как пожар,
день, от зноя рыжий.
Спал под небом комиссар
и уже не слышал,
что сказали здесь друзья,
как салют катился...

Пусть враги запомнят — я
в этот год родился!

СЛАДКИЙ ПРЯНИК

Евгению Ершову

Мы живём не в долгу у вечности —
перед нами в долгу она:
(нас, мальчишек Великой Отечественной)
обокрала
война.

Горечь вновь ворошить не хочется —
Только как нам её избыть!
Помнишь, Женька, деревню Корчино
и бойца посреди избы!

Помнишь, как ты выдохнул:
— Папка! —
и к медалям лицом приник...
Снял солдат виновато шапку —
и сдавил его воротник.

Он рукою тяжёлой долго
гладил чуб:
— Ты, сынок, прости.
Папка твой... как герой... на Волге.
Жив останусь — просил навестить.

Вот как, Женька, нескладно вышло.
Ну не плачь – ты уже большой.
Береги-ка маманьку, слышишь,
ты теперь у неё старшой.

И неловко, щекой щетинясь,
по-солдатски обнял как мог:
– Вот держи от меня гостинец.
Пряник. Сладкий. Поешь, сынок.

Помнишь, Женька, как ты несмело
взял кругляш тот, белый, как мел.
Мы со всеми картошку ели,
чтобы фронт отступить не смел.

Нам с утра выпекали драники –
и на улицу дотемна..
Если б только на эти пряники
нас

обкрадывала
война!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Н. Г. Дворцову

Фронтовые подружки –
боевой экспонат –
у музея две пушки
на граните стоят.

Артиллерия ныне
покрупнее. И всё ж
Эти пушки – богини,
никуда не попрёшь!

...На рассвете атака.
Жарким будет денёк,
дай-ка, «сорокапятка»,
русский наш огонёк!

Чтоб у фрицев от страха
встала дыбором шерсть,
садани по рейхстагу,
пушка «76»!

Чтобы с пылью осела
ненавистная тень!..
Мы стоим у музея
в этот памятный день.

И нутром понимая
всё, что спросится с нас,
мы в запасе, но знаем:
нам не время в запас!

А на пушках счастливо
гомонят пацаны —
как солдаты в Берлине
утром после войны.

АЛТЫН-КЁЛЬ

Алтын-Кёль. Золотое озеро.
Гнёт верховка тугой брезент,
и качаются в дымке розовой
вековые глыбы легенд.

Позабытых, не позабытых,
кем-то схваченных на лету.
Солнце бьёт золотым копытом
по гольцам горы Алтын-ту.
А когда серебристой лентой
ночь уляжется на волне,
поднимись к истоку легенды
на вершину горы, к луне,
поднимись и поверь, пожалуйста,
в непростые её слова —
и со дна самородок покажется,
будто конская голова.

И сверкнёт золотыми гранями,
и откроет тайну свою.
Я стою на краю предания,
на вершине горы стою!

Здесь, где скалы обнялись с вечностью,
ощущается связь времён.
и впадают в озеро речки,
как легенды, со всех сторон!

ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

Отдыхают на скалах усталые ветры,
Завтра мы уезжаем и увозим с собой,
как хорошую песню, ветку горного кедра,
ветку горного кедра и телецкий прибор.

Над костром запоздалым прощальные искры,
и уложены кеды глубоко в рюкзаке.
Ветка горного кедра будет пахнуть смолисто
у меня в изголовье
от тайги вдалеке.

Ветка горного кедра, как зелёное пламя,
заворожит, закружит,
на плечо упадёт.
Ветка горного кедра
за замками достанет,
ветка горного кедра
на Алтай позовёт.

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Ледком глубокий омут скован,
зазимок беспредельно чист.
«Не слышно шума городского», –
оповестил село радист.

И слышу снова, вижу снова,
как гулко ходит тишина,
как на штыке у часового
горит полночная луна.
Зачем они, из дальней дали
коснувшись памяти едва,
тревожат душу изначальной,
такой пронзительной печалью,
полузабытые слова?!

И то ль от раннего мороза,
то ль почему – не знаю сам,
но только слёзы, слёзы, слёзы
текут неслышно по щекам.

ПРЯХА

*В низенькой светёлке
огонёк горит.
Молодая пряха
у окна сидит...*

В поле перепёлка
вечер позвала.
Низкая светёлка,
под окном ветла.

В сумерках без страха
огонёк горит.
У окошка пряха —
бабушка сидит.

Были, как поётся,
косы у неё,
бились, как ведётся,
парни за неё.

А один на тройке
подкатил к крыльцу,
поклонился в ноги
матери, отцу.

А пошла девчонка
под венец иль нет —
замела позёмка
в дальнем прошлом след.

Только лишь оттуда,
чтоб соединить,
тянется, как чудо,
тоненькая нить.

Сколько было пряжи
на её веку,
где носки не вяжут
и холсты не ткут?

Видно, уж на свете
так заведено:
крутится планета
и — веретено!

ПОДСОЛНУХИ БАБУШКИ ВЕРЫ МОКЕЕВНЫ

То ли с поля горчит медуница и клевер,
то ли детство моё наплывает, как сон.
Никогда в огород мы не лазили к бабушке Вере,
хоть он был мимоходом в три жерди всего обнесён.

Шёл ей вроде тогда
сто второй или третий –
а она уже сбилась со счёта давно –
и ослабли глаза. И старушке на свете
даже в ясные дни
всё казалось темно.

С той поры и пошло:
лишь почувствуя тяжесть,
мокрой веткой в окно
постучит верба-хлёст,
мху она надерёт, узелки поразвяжет
и – на печь семена,
чтоб пошли они в рост.

И когда встанут дни посреди небосвода
и три кожи сползёт на реке с ребятни,
запылают подсолнухи в пол-огорода,
и к старушке лицом повернутся они.

А она с батожком встанет около прясла
и подолгу стоит, и глядит в огород...

Тот, кто видит в подсолнухах
только постное масло –
эту бабушку Веру
никогда не поймёт!

О ВСЁМ ХОРОШЕМ НА ЗЕМЛЕ

Над светлой речкой стройный бор:
Сосна к сосне – как на подбор.

Плеснёт волна в реке со сна –
и к солнцу тянется сосна,
роня в полдень на песок
и в туюсок
янтарный сок.

Неистребимым духом хвой
клубится ветер верховой,
даруя сердцу и уму
равновеликие ему
слова о речке Касмале,
о всём хорошем на земле.

* * *

Я приехал в родную деревню
и с нечаянной грустью открыл,
что уже позасохли деревья,
на которых я гнёзда зорил,

и отдали весь жар свой поленьям,
чтоб хлеба выпекались в печи.
Кто тут нянчил меня на коленях?
...Тишина. Только сердце стучит.

В будний день —
не на Красную горку,
не с вином —
а с виною в душе
в лес иду,
где давно на пригорке
полсела отдыхает уже.

Всё же мало мы в жизни голубим
несравненных Арин и Марин —
запоздалым стихом говорим:
как мы их по-есенински любим,
как по-пушкински боготворим!

* * *

У калины гроздь красивая,
да торчит под осень кровь.
Здравствуй, Таня-свет-Васильевна,
запоздалая любовь!

Я хожу к тебе не каяться,
не для сладостных затей:
это мне не полагается
как отцу двоих детей!

Да и ты — давно известно мне —
жизнь познала до конца:
как-никак, а дочь невестою
подрастает без отца.

Пусть любителей посплетничать
распирает по ночам:
это кто же поздно вечером
к ней так тихо постучал?!

Нам знакомы те известия,
что кружатся вороньём.
Помолчим о многом вместе мы —
лучше все-таки вдвоём!

Выйду в ночь под звёзды мглистые —
пусть они не светят мне! —
помашу рукою издали
огоньку в твоём окне.

Да будет, как святыня,
под сенью этих мест
звенеть в моей России
берёзовый оркестр!

* * *

Пролились тучи и ушли,
гроза свалилась на Кружало.
И веселее побежала,
не значась в атласах Земли,
за лугом речка-быстротечка,
в которой ты тонул не раз, —
с неё,
как тропка от крылечка,
твоя Россия началась.

И мир большой, зелёный, летний
заполнил свистом соловей...

Не дай засохнуть речке этой
хотя бы в памяти своей!

* * *

Третья стужа застеклила лужи,
не оставив никаких надежд.
В клёнах по-мальчишьи неуклюжих
усмирился лиственный мятеж.

И притихли бойкие багрянцы,
что их ждёт, не зная наперёд,
словно молодые новобранцы
у военкоматовских ворот.

ОБРАЩЕНИЕ К СЫНУ

Зачин

По градам и весям Союза,
напутное слово сказав,
даруй мне, гражданская муза,
и образы, и образа!

Яви мне и славу, и слово,
салоны, солтому Руси,
и лики Андрея Рублёва,
и блики осенних осин!

Яви мне знамёна, знаменья,
на муки меня осеня.
А если я струшу —
каменья с презреньем обрушь на меня!

1. В России вязь имён —
живая связь времён!

И в будущий словарь —
как свет по куполам —
восходит слово ярь
со славой пополам.

И вижу, словно явь:
от ратных дел устав,

за чашей – Святослав,
за книгой – Ярослав.

Любой из нас поймёт,
что разница проста:
есть на устах и мёд,
и мудрость – на устах.

Он знал и разумел,
светлейший муж Руси,
что слово пуще стрел
невежество разит!

А над Россией синь –
так личит небесам!..
Теперь ты знаешь, сын,
и разумеешь сам,
какое имя я во имя бытия
избрал тебе как мог, –
носи его, сынок!

2. Слепит окно пургой,
спишь, руки разметав.
А над тобой другой
склонился Ярослав.

Врубаясь в глубь эпох
и смелый стих достав,
он добр и строг, как бог,
и мудр –
 тот Ярослав.

А над Россией стынь
гудит по небесам!..
Теперь ты знаешь, сын,
и разумеешь сам,
какое имя я
во имя бытия
избрал тебе как мог,
возвысь его, сынок!

Колыбельное краегласие

Яблоневым бликом,
Радостью в дому
Осветило лико
Сыну моему.
Лён волос, ленок
Августа венки.
Вырастай, сынок!

В России вязь имён —
живая связь времён!

Из книги
«Отрада»

1977

* * *

Есть в судьбе такие даты
и такие рубежи,
от которых никуда ты
за рубеж не побежишь.

Как же радоваться солнцу,
если там, где сердце — лёд
от огня того оконца,
что светить не устает?

Да каким я гадом буду,
коль забуду тот чувал,
что заморскую простуду
через пятки выжигал!

* * *

Неважно — ныне иль давно,
на Хуанхэ или на Ниле —
сравнили с пулею зерно
и землю с порохом сравнили.

Видать, мудрец сошёл с ума,
но задевает за живое:
земля и хлеб есть жизнь сама,
а пуля губит всё живое!

* * *

К чему копить полуобиды,
таить печаль в своей груди!
Ты лучше в поле утром выйди,
навстречу солнышку пойдй.

Вспорхнёт ли рядом ранний стрепет,
сверкнёт ли поздняя роса,
а шорох трав, а листьев трепет,
а птах незримых голоса,

а эти ливы-переливы
хлебов — насколько хватит глаз —
всё, без чего нельзя счастливо
сказать, что песня родилась.

...Уходят на свиданье с небом
просёлок, поле, провода.
И ты душой за ними следом
неволью тянешься туда.

ИМЯ ТВОЁ

Над Отрадным, как отрада, тишина.
Окружает нас берёзами она.
Гаснет день. Закат прощается лучом
с потемневшим между сопок кедрочом.

Спи, любимая. Рябина в полумгле
низко гроздьями склоняется к земле.
В травах спутанных ромашка-позднецвет
осыпает миллионы «да» и «нет».

Спи, Галина. Завтра длинно, наугад
закружится над землёю листопад.
Стылым солнцем
будет степь обожжена.

...Твоё имя означает т и ш и н а.

* * *

Шуршит по травам рыжая листва,
берёзы, заколдованные, что ли,
негромко сыплют смутные слова
на кромку свежевспаханного поля.

Стоит окрест прощальная пора,
идут дожди, слабеют в травах силы.
Однажды снег закружится с утра —
и упадёт зазимок на Россию.

И мне ответно сердце повелит
не отделять от общего успеха
вот этот куст,
согнувшийся под снегом,
и эти комья смёрзшейся земли.

«Отчина»

1984

ВОКРУГ ЕСЕНИНА

Чёрный человек!

Ты прескверный гость...

С. Есенин

Гнались, как стая на Парнас,
за ним жабо, манишки, фраки,
хотя не стоили подчас
хвоста качаловской собаки.

Пророки будущих голгоф
(а ты – дурак, Иван-царевич!),
копил враньё Мариенгоф,
жужжал над ухом Шершеневич.

Лицом к лицу – не разобрать:
кто – друг,
кто – враг,
кто – просто денди,
а их была большая рать,
желавших прозвенеть в легенде...

Дымит на Чёрной речке снег,
бьёт молния в горах навывлет.
Найдётся чёрный человек –
и петлю для тебя
намылит!..

* * *

От холода шубой себя омедведишь –
да в резвые сани с резного крыльца,
и едешь,
 и едешь,
 и едешь,
 и едешь,
и всё по Сибири,
 и нет ей конца!

Оснежье искрится,
берёза клубится,
как искренний выдох земного жилья.
А в небе грохочет-гремит колесница,
и долго за нею струя серебрится.
– Удачи тебе,
реактивный Илья!

Ему на заоблачных трассах не тряско,
и нас никакая беда не берёт:
на курской,
 рязанской,
 тамбовской закваске
крутой замесился в Сибири народ!

СПОЗРАНКУ

Спозранку
разбужен скворцами,
просыпаюсь, как в детстве, светло.
Пахнет утро землёй, огурцами,
и встаёт молодняк
на крыло.

Просыпается всё на рассвете:
темень вод и небесная ясь.
Обошёл потаённые сети
золотистый, как радость,
карась.

Рыжий коршун
медлительно кружит,
хорохорится красный петух.
И надёжным убежищем служит
для цыплят
благородный лопух.

В СИБИРСКОЙ СТЕПИ

Свиристит берёста на берёзах,
на осинах щёлкает кора:
вот они —
крещенские морозы,
вот они —
вселенские ветра!

Равные и небо, и равнина.
Разбрелись,
как мамонты, стога,
Накалилась на ветру калина
и давно осыпалась
в снега.

Реки
льдами скованы и страхом,
ручейки
повымерзли до дна.
Воробьям взъерошенным и птахам
не добыть ни крошки, ни зерна.

Стынет в роще
иней ломко-синий,
льдистый веток слышен перезвяк...
Обожгло морозами осинник.
Просквозило ветром березняк.

НА ЗАЙМИЩЕ

Небо не стану гневить и просить —
выйду на займище травы косить.
Так уж издревле у нас повелось:
дождь-сеногной или зной в сенокос!..

Жарко в бору золотится корьё,
злится, роится, нудит комарьё,
жалится солнце с утра, как слепень,
залит смолою старинушка-пень,
даже осока-резунья и та
клонит к забоке гордыню листа.

Овод — не повод спастись в реке,
если литовка как раз по руке,
если размах до восторга в груди:
эй, не зевай, кто идёт впереди!

В этих травах под русское «эх!»
Право же, вспомнить Кольцова не грех.

Много работ, но такая — одна:
выступил пот, аж дымится спина.
Солнце скатилось с крутого плеча,
млеет трава, кровь гудит горяча,
каждым виском ощущается ток —
так отбивает косу молоток...

Долго литовки ныряют в траву,
выгнуло небо, как нимб, синеву.
и по прокосам к истоку зари,
словно святые, идут косари.

Вызвездил вечер вечный предел.
Завтра на займище уймища дел!

ЗЁРНА ВЕЧНОГО КОЛОСА

1

От мирного грома никто не оглох,
от молнии мирной никто не ослеп.

Я слышу

земли упоительный вздох:

дождался дождей
поспевающий хлеб.

Я вижу

Дождями умытую степь,

и этот пейзаж

сердцу русскому мил:

в четыре Европы колышется хлеб

и борется

колосом каждым

за мир!

2

Есть у нас хорошая примета,

и она бытует неспроста:

на Алтае на исходе лета

от хлебов светает –

красота!

Техника развернута по фронту,

грезит поле тяжестью валка.

Уходите, тучи, к горизонту,
не мешайте людям, облака!

3

Этот полдень над степью
предельно высок:
день в страду кормит год,
месяц вёдреный — годы.
...Вот лежит на ладони моей
колосок —
совершенное чудо труда и природы.

Так прибрежный гранит отгранила волна,
так язык обкатал первородное слово...
Я размял колосок — и ладонью сполна
ощутил теплоту
ручейка золотого.

4

И вдохнул я густой
хлебный запах святой,
словно он исходил из печи деревенской.
С виду колос простой,
но сказал Лев Толстой:
в нём вся суть —
от зерна и до мысли вселенской.
Хлеб даёт человеку духовный заряд,
и несёт сам себя,
и по совести судит.

Если в космосе хлебом у нас не сорят –
как же надо беречь
на земле его,
люди!

5

Будет хлеб – и дерзкая ракета,
рукотворный наш метеорит,
подтвердит пророчество поэта,
что «звезда с звездой говорит».

Хлебороб поздравит космонавта,
звёздный брат его заверит в том,
что покуда торжествует жатва,
«спит земля в сиянье голубом».

6

До чего же свежа
росяница в траве,
до чего хороша
утром вольная воля!
Беспределен
за древним холмом
окоём –
светорусье моё и открытое сердце, –
потому и хлеб-соль
мы гостям подаём
на прекрасном,

на белом
льняном полотенце!

7

Горсть земли,
тепло заветных зёрен
движут нас на добрые дела.
Как с земли
вселенский мир просторен,
как земля из космоса мала!
Как прекрасны в утреннем тумане,
как на фоне озими белы
синие озёра Кольвани,
светлые берёзы Касмалы!..

8

Будет хлеб на столе —
будет мир на земле,
и согласие в семье,
и веселье в застолье.
Хорошо выколашивать хлеб на земле,
хорошо выголашивать песни на воле.

От колосьев литых поднебесье ясней,
и от слов золотых
поднебесье бездонней.
Хлебный злак
израстает в траву
без людей,

без любви и тепла
человечьих ладоней!

9

Будет сокол парить
над былинным холмом,
будет век истекать,
чтобы вечностью длиться.
Умирает зерно
в смысле самом прямом,
умирает зерно,
чтобы вновь возродиться.

Нас учили отцы уваженью к труду,
нам детей наставлять
делу важному ныне.
Я приеду в Москву,
к Мавзолею приду,
поклонюсь самой главной
державной святыне.

* * *

Завари листом смородиным
чай – и чуткою душой
сам поймёшь: без малой родины
нет понятия большой.

Без примет родимой улицы,
что растрогали до слёз:
дом Бакулиных ссутулился,
дом Поповых в землю врос.

Без старушки на завалинке
и её славянских глаз,
что тебя знавали маленьким
и признали в этот раз.

Встану рано утром, гляну я —
оторваться не могу:
конь мухортый и буланая
кобылица на лугу.

Чёткий след копыта выбили
на отаве² молодой.
Первый иней густо выбелил
две берёзы над водой.

А за этими берёзами —
копны розметью, стерня.
Изумительные озими.
О т ч и н а.
Начало дня.

² Отава — трава, выросшая на месте скошенной в том же году.

СЕДИНА

Мих. Старикову

Посидим в доме родительском вдвоём,
нашей юности недавней подпоём.
Нам ли плакаться, стесняться седины:
Я в войну, а ты родился до войны!

Эти стены в грознопамятном году
стойко приняли смертельную беду.

В окнах темень, тишина — как динамит.
И стреляет жировушка, и дымит.

А в желудке леденящая тоска.
Встала мама и хлопочет у шестка.

Наши мамы не гнушались лебедой,
щи варили из крапивы молодой,

из опилок умудрялись хлебы печь.
Вот о чём моя бесхитростная речь.

Вот о чём поодиночке и вдвоём
мы с тобой молчим мучительно, поём.
В наше время огород без лебеды —
как одна сплошная радость
без беды!

В ВЕСЕННЕМ БОРУ

Бор рассыпал птичьи трели,
как брусничник по увалам,
лось осинником промчался —
лист колышется-дрожит.
На елянях,
где кукушка горевала-зоревала,
фиолетовым и синим
день пронзительно прошит.

Век дышать — не надыхаться
вешней влагою лощины,
где томится медуница,
начиная солодеть.
Потому, видать, и ценят
поседелые мужчины
красоту цветов весенних,
чтобы рядом — молодеть!

СИВКА-БУРКА,
ВЕРНЫЙ КОНЬ

Сенокосной эпопеи подвиги.
Искони на конях – ребятня.
Сколько раз
мы, копновозы, под ноги,
под копыта
 падали
 с коня?!

Как с картошки молодая шкурка,
шелушилась кожа не впервой.
Сивка-бурка,
тягловый каурка,
он вставал
как лист перед травой.

Голова грозила расколоться,
и, вздымая жаркие бока,
Сивка-бурка мчался до колодца
так, что замирали облака.

Я ему старательно подсвистывал,
чтоб вода ломучей не была,
чтоб она, колодезная, чистая,
даже не студила удила.

Ржут они –
и хорошеют лица,
сердце радо пасмурному дню
за счастливый случай
поклониться
Сивке-бурке,
верному коню!

Из сборника
«Наедине»

1990

РУССКИЙ СКЛАДЕНЬ

I. Борис и Глеб

Песня душою богата,
поле – колосьями ржи.
Горько –
когда брат на брата
тайные точит ножи.

Честь добротой торовата,
злобу к нам ворог занёс.
Больно –
когда брат на брата
меч окаянный занёс.

Трижды желание свято:
Русь воедино собрать.
Страшно –
когда брат на брата
движет оратаев рать...

Поле до самого неба,
сполохи дальних зарниц.
Очи Бориса и Глеба
ищут
 веками
 убийц!

II. Сергей и Павел

Соловьи разбойной речью
растревожили покой
над полынным Семиречьем,
над былинною Окой.

И в тумане местных талиц
заплутались табуны.
Песни в гривы заплетались
с той и с этой стороны.

Далеко ли песни, околь,
близко-низко, высоко ль?
Серебрист и светел тополь,
тёмен ликом осокорь...

Из тумана местных талиц
на крутой
столичный зной
песни дерзкие слетались,
удивляя новизной.

Надо б тише жить, правей,
надо б петь,
как кенарь в клетке.

Сник, что крик,
разлёт бровей —
ни креста и ни отметки.

На немыслимых ветрах
разорвал аорту сокол.
Чёрной тайною пропах
день последний,
час жестокий.

С окровавленных раки
тяжело роса стекает.
Кто расстрелян, кто убит,
кто в какой глуши —
не знает.

Лишь по листьям день-деньской
хлещет ливень, как картечью,
над полынным Семиречьем...
над былинною Окой!..

III. Василий и Владимир

Россия шла за гробом
и не стыдилась слёз;
удержатся ли оба
надолго и всерьёз?

Один летел, как Разин
над вспененной волной,
другой был с песней связан
серебряной струной.

Ходили в рукопашный
и пали, как в бою.
За старшего
 не страшно,
за младшего —
 боюсь.

Талант извечно губят
шумиха и надрыв.

.....
А люди правду любят
и песню —
 на разрыв!

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

В. П. Астафьеву

Стук топора позабудешь едва ли —
ухнула,
рухнула старая ель.
«Плакала Саша,
как лес вырубали» —
с детства усвоил и помню теперь.

Стук топора позабудешь едва ли —
эхо, как выстрел,
в висок отдаёт.
Муза Некрасова —
 голос печали,
совесть гражданская спать не даёт.

Стук топора позабудешь едва ли,
словно вчера это было,
вчера!..
Но топоры в те поры
 не знавали,
как по подросту
 идут
 трактора:

* * *

Где она, большая вода,
с ветром яростным и ветрилом?
Утекла вода в никуда,
на виду у всех
испарилась...

Где глубинная синь небес,
чтобы вечностью насладиться?
Пало облако — и окрест
передохли
все звери-птицы...

Где он, пахотный пласт земли,
с чернозёмной, ржаною силой?
Истолкли его, измесили,
изнасиловали,
извели...

Прём в грядущее по костям,
по могилам родным и кочкам.
В новый век почти без крестьян
на аренде въезжаем.
Точка.

Тянут в гору состав –
едкий дым по кустам,
всё смертельно сейчас:
пробуксовка,
 стоп-кран,
 торможенье...

Мать-Россия щедра.
Как бы вытянуть нам
эту силищу
из полосы отчужденья!..

«СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ»

В. Курбатову

Питомец ветровой России,
неярким солнышком согрет,
дубок растёт —
с вершок от силы
за первый год,
а вглубь —
на метр!

Врастает он до самой глины
в национальные пласты,
дабы потом
среди долины
быть со стихиями на «ты»...

Змеятся молнии, как плети,
а он,
презрев вселенский страх,
в папахе из седых столетий
стоит,
как рекрут на часах!

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «КАПИТАНСКУЮ ДОЧКУ»

Калмычка – Пушкину, а тот
поведал прозой благородной,
что ворон триста лет живёт,
питаюсь падалью холодной.

Орёл живёт
лишь тридцать лет,
он презирает
трупный запах.
Трепещет
царственный обед
всегда
в его когтистых лапах.

Я в данном случае – не тать
(чужую строчку сразу видно).
Не стыдно Пушкина читать
и перечитывать –
не стыдно!

БЕРЕЗОВОЕ ЧУДО

Вад. Кузнецову

Поэт опальный и поручик
с глазами,
тёмными от слёз,
он ввёл в поэзию под ручки
«чету белеющих берёз»...

Другой поэт
при личной встрече
поставил русское клеймо:
он услышал в живом наречье
«от милой матери письмо»...

И на краю воды, у пруда,
где гладь — зеркальна до беды,
сумел поэт увидеть чудо
её девичьей наготы...

И я, сдирающий берёсту
и нежно глядящий корьё,
гляжу на тёмные наросты
и вижу,
как нести непросто
с в я т о е,
с в е т л о е,
с в о ё!

ЕСЛИ КОРНИ ДРЕВА ПОДСЕЧЬ...

Рухнет небо
на землю завтра,
если корни древа подсесть!..
В храме Невского Александра
разместили «Электропечь».
Там, где сердцу
внушалась нежность,
там, где людям
прощался грех,
огнедышащий ад кромешный
вздул мехами
кузнечный цех.

Бухал молот.
Калёным смрадом
извергало горнило злость.
И смущался кузнец под взглядом
прокопчённых святых
(насквозь!).

Грохал молот,
греховно жаждал
мять, ворочать, кромсать металл.
И какой-то остряк однажды
л и к и
краской загрунтовал.

Шутки ради.
Так, между прочим.
Стыд – не дым, он глаза не есть.
Но со стен проступали очи,
но указывал
 в небо
 перст.

Эти лики и эти очи
созидали духовный щит!..
Кто нам
ясный путь
 напророчит,
от беспамягства
 отлучит?

Кто нас в спину толкает к яме?
Чья спасёт –
 на краю –
 рука?..
Гром кузнечный
 грохочет
 в храме.
Гром небесный
 молчит пока.

СТАРУШКА-ПОБИРУШКА

Я помню:
год сорок седьмой.
Полати. Поздняя коптушка.
И к нам
с заплечною сумой
зашла
старушка-побирушка.

Она присела у печи
и долго-долго руки грела.
Потом остатные харчи
на стол повынула умело.

Перекрестилась не спеша,
чтоб не лишал Господь
достатка.
(И вот где — русская душа,
и вот где — русская загадка!)

Сказала: «Милости прошу,
сама-то я в дороге ела».
И подала мне, малышу,
сухарик белый!

У МОГИЛЫ М. С. ШУКШИНОЙ

В будних Сростках
на горе Пикет
праздного паломничества
нет.

Припозднилась
девушка одна
у могилы
мамы Шукшина.

Вот он,
скромный бугорок в тиши,
на гору подняться не спеши,
встань у этой
памятной оградки,
воздухом бессмертья подыши.

Я бывал здесь
и встречал не раз
близость самых незнакомых глаз.
Вот и эта девушка взглянула —
на печаль
 печаль
 отозвалась!..

* * *

Летний полдень.
Лист не шелохнётся.
Мурава – земная благодать.
Сказывали деды:
из колодца днём на небе звёздочки видать.

Мы к поильцу налетали скопом.
С бесшабашной смелостью на «ты»,
я спускался по железным скобам
до воды,
до ледяной беды.

Знал, что это так не обойдётся,
что меня попотчуют ремнём...
Но зато я видел из колодца,
видел чудо:
звёзды светят днём!

ВТОРОЕ АВГУСТА

*Илья-пророк разъезжает по небу
на огненной колеснице.*

Есть глубинная тайна строк,
нет меж строчек двойного дна..
Грозный праздник —
Илья-пророк,
суть его искони одна:

нагоняя животный страх,
всё живое бросая в дрожь,
треск и гром на семи ветрах
пронесутся —
и хлынет дождь.

Замычит, замечется скот,
перекрестится старый дед,
и взойдёт золотой восход,
что зовётся в миру
р а с с в е т.

* * *

Ах, эта утренняя тишь:
снег свеж и чист
и пахнет детством.
И ни о чём не говоришь
наедине с таким наследством.

Ах, этот царственный куржак
на тёмных вётрах в два обхвата,
искристый, золотой, мохнатый,
и звон серебряный в ушах –
невольно замедляешь шаг:
спешил куда-то,
жил не так
и стал на родине – чужак...
Она ли в этом виновата?!

СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ НА РОДИНЕ

Как не вспомнить дерзкую гармошку
с хрипотцой в серебряном ладу.
Раскатали церковь
по бревёшку
в 33-м памятном году.

«Школе быть!» –
решила власть мирская.
И под осень высилась уже:
вон она глазастая какая –
тридцать три окна
на этаже!..

Десять лет
здесь грамоте учились –
не забудем помянуть добром
этот храм,
где бати отличились
рубкой –
 в ряж и в лапу –
т о п о р о м!

ОГНЬ ВЗЫСКУЮЩИЙ

Рукописи не горят...

М. А. Булгаков

...И когда в России власть твердела,
огнь её
взметнулся до небес —
и со звёзд
окалина
летела
на хлеба насущные и лес!

Пил расстрига,
в келье инок плакал,
гром шагов катился от моста.
Блок увидел
под кровавым флагом
впереди идущего Христа.

А за ним,
не смея отказать,
страшные,
широкие в кости,
шли его бесстрашные
д в е н н а д ц а т ь,
смертной лентой
грудь перекрестив.

Вспыхивали на штыках зарницы,
высекались искры из-под век.
И горели вещие страницы
вечных книг
больших библиотек.

Огонь гудел,
как Молох крови жаждал
(долго угли шаяли в золе!),
миллионы истинных сограждан
разметал,
 рассеял по земле.

Где-то за лесами и горами,
в отчей стыни
и чужой дали
русские мыслители сгорали –
рукописи
 жёны
 берегли!

СНЕГИРИ

На исходе зимы,
на восходе зари
как ликуют они на снегу,
снегири!

И запел, зазвенел,
заручился внутри
первозданный восторг —
снегири,
 снегири!

Сердце, тише стучи,
успокойся, замри,
не вспугни —
снегири,
 снегири,
 снегири!

Озари их любовью,
теплом одари —
снегири,
 снегири,
 снегири,
 снегири!

Из сборника
«Завет»

2002

* * *

Это утверждается навеки,
как закон согласия
в семье:
родники рождаются,
чтоб реки
никогда
не молкли
на земле.
Потому и здравствует Россия
и над ней
бессмертен
небосвод:
мать у нас живёт во имя сына,
сын —
во имя будущего сына
и во имя матери
живёт!

* * *

В век активной реактивной тяги
похлепать бы золотой кулаги,
протомлённой в глиняной корчаге!

Русь на угощенье торовата:
за кулагой

шла бы саламата,

да в квасок,
да вместе с хреном-редькой,
да яичек —

прямо из загнетки!..

Что же с нами
сталось и случилось:

мать томить кулагу

разучилась;

внук на деда смотрит виновато —
он не слышал слово с а л а м а т а;

в квас казённый ложка не ныряет,
в нём и хрен кондицию теряет!..

Можно жить, конечно, без кулаги,
усреднить и слово, и судьбу.

В век активной реактивной тяги
как бы нам не вылететь в трубу?!

* * *

Кольшется жаркое жито
опоры врасстяжку гудят.
Мой возраст
скатился с зенита,
пошёл громышать на закат.

Ну что же,
я прожил немало,
пора оглядеться, пора!..
Вот послевоенная мама
у печки хлопочет с утра.

Глаза и движения строги,
шершавые руки грубы.
А вот я и сам на пороге
крестьянской избы и судьбы.

В холщовой рубашке, штанишках,
босой (чтоб обувку беречь),
мои изначальные книжки,
родная – до буковки – речь!..

Шумят вековые деревья,
распахан столетний овраг.
Во имя добра и доверья
сражается с морочью флаг.

А дни, как назло, ветровые,
а колос гранёный весом.
И я за штурвалом впервые
стою на комбайне с отцом.

Мы брали у жизни уроки —
и я благодарен судьбе,
что самые первые строки
сложились о нашей избе.

О бабушках,
что нас растили,
о близкой и дальней родне,
о нашем селе, о России,
о прошлом и завтрашнем дне.

Мы знаем все наши святыни,
а с ними —

мы зорче втройне.

Моё поколение ныне
за всё

отвечает

в стране.

Шумят вековые деревья
и свежестью тянет с полей.
Во имя добра и доверья
означены в сути своей:
шумиха и дело святое,
ржа власти
и слёзы удач...
А поле — и впрямь золотое,
а колос —
тяжёл и горяч!

ЭТЮДЫ СИБИРСКОЙ ЗИМЫ

1

Жмут морозы под пятьдесят.
Птицы стынут. Флаги висят.
Жарко в варежку дышит рот:
смёрзся в воздухе кислород.

Снег визжит
так, что нервы в жгут,
по спине мурашками бегут.

Страшно слышать,
терпеть невмочь:
скот голодный
ревёт всю ночь!

2

А солома – к скирде скирда.
Над скирдою дрожит звезда.

Сена стог,
что крестовый дом,
и спрессовано лето в нём.

Только нет на поля дорог...
К-700 изнутри продрог:
спирт

у страшной отметки встал,
прикипает к руке металл!..

3

За окошком под пятьдесят,
а в бытовке дымы висят.
Любит русский мужик вот так
в ожиданье смолить табак.

Обстоятельно, не спеша
курит всё простая душа.

Курит всё,
что завозят к нам
Куба,
КНДР,
Вьетнам.
Курит всё,
что друзья пришлют.
И нелишне заметить тут,
что сибирский наш самосад
знал, ценил на войне солдат.

4

А солдат, что табак хвалил,
в сорок пятом фашизм свалил.

Он горел,
 замерзал
 и мок,
он такую боль перемог!

Переможем и мы мороз —
местный Тёркин смешит до слёз.

5
«Думал, баба моя глупа
Не найду на днях тулупа.
А она мне с подвдохом: — Вась,
я дублёнку сшила вчерась. —
Расстегнула чуть-чуть халат —
и шампанского мне внакат!

Я глазами на бабу луп:
понял,
чем накрылся тулуп!»
Прыснул смех,
будто пар в поллок,
вздрогнул маткой потолок!..

6
А Василий достал табак,
закурил и отрезал так:
«Хватит, братья-славяне, ржать,

надо марку свою держать,
не велит долго греть бока
имя-званье сибиряка!»

...Он пройдёт
морозам назло...
Вот таким
на войне
везло!

У ОЗЕРА

Тишина над озером.
Где-то чайки спят.
Нет на пне берёзовом
бойких лжеопят.

Вот зарянка тенькнула,
встань и не дыши:
гладь воды — как зеркало
неба и души.

Зачерпну из озера
ковшиком зарю,
на отваре розовом
чудо сотворю

с нашим корнем бодрости
наизолотым
и от чая вскорости
стану молодым!

Молодым, отчаянным
(сгинь, лукавый бес!).

..В озере качается
глубина небес.

НА ЧУЙСКОМ ТРАКТЕ

Шуршанье шин. И шум вершин.
И слышится: Шишков, Шукшин.

И в том — отечественный акт
(давайте это не забудем!):

Шишков

разведал

Чуйский тракт,

Шукшин о нём

поведал

людям!

ТВОРЕЦ ИГОРЕВОЙ ПЕСНИ

Святославу Воинову

Кровь вскипела. Душа спеклась.
Песня русская родилась.

Слово к слову.
Словцо к словцу,
Что кольчуга —
кольцо к кольцу.

О, земля моя, поелику
ты огромна,
тобой гордясь,
вот за этим холмом воскликнул,
может, ратник, а может, князь:

— Братья-русичи, мы по духу
и по крови — одна семья,
чую сердцем и слышу ухом,
как тревожно дрожит земля!..

Тьма татарская завихрялась,
чтобы пасть
на века вперёд.
Имя автора не терялось,
ибо «Слово» хранил
н а р о д.

ХОЛМЫ И ДУМЫ

Трилистник

Виктору Коротяеву

I

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Н. Рубцов

Пронзительно талантливое слово,
и глубока по смыслу тишина
и в древней Тотьме на холмах Рубцова,
и в Сростках на увалах Шукшина.

Взбежишь на холм — и остановят дали:
берёзы, реки вольные, как речь.
Такие дали и певцов рождали,
которых трудно в жизни уберечь!..

Россия с неоглядными полями,
ты, испокон пречистая, как Мать,
своими обходила соловьями
и не ходила песен занимать.

В больших крестьянских семьях (и не тесных!),
в большой нужде и в радости большой
росли твои есенинские песни
с незамутнённо-чистой душой.

А ныне в пятистенке над Катунью
и в теремке из кружев и затей

пойди найди певунью-хохотунью,
чей стол прекрасно тесен от детей.

Во мху томится ягода морошка,
подсолнух свесил голову на тын,
по лбам ребячьим дедовская ложка
истосковалась – внук всего один!..

Заволокло с утра, заморосило,
увязли храмы главами во мгле.
Не говорим ни слова о России,
но думы – о единственной земле.

И тяжело, с одышкой и нагрузкой,
идёт буксир по Сухоне-реке.
Здесь, на земле
исконно нашей, русской,
мы и молчим на русском языке.

II

На Татарском бугре побурела трава,
дух полынный повис,
как туман над селом.
Не от тяжких ли дум так болит голова,
вспоминать –

не с дружкой пировать за столом.

Я стою на бугре. Надо мною в упор
светит месяц кривой –

и накатит, нахлынет:
кто назвал так бугор,
почему до сих пор
не заглохло то имя в бессмертной полыни?

Эту ночь прапрабабки мои проклянут,
но детишкам дадут православное имя.
Долгой тенью века по земле проплывут –
и глаза от небес станут вновь голубыми!

Почему низкорослыми травы растут,
и полынь так горчит,
и татарник теснится,
почему черепа лошадиные тут
скалят зубы и пялят пустые глазницы?

До утра ветер угли костра ворошит,
и виденья встают в одеянье багряном:
и земля задрожит,
и, стрелою прошит,
мой прапрадед лежит
на холме безымянном.

А кругом гром копыт – степь встаёт на дыбы.
Чем прикрыть бы глаза,
чтоб не видеть позора:
как взлетает аркан –
у рабынь от мольбы

скорь в очах разлилась
широко, как озёра.

Эту ночь прапрабабки мои проклянут,
но детишкам дадут
православное имя.
Долгой тенью века по земле проплывут —
и глаза от небес
станут вновь голубыми!

...Я в России живу. И певучим словам
сына я обучал,
сам учу их поныне.
Отчего ж на Татарском бугре голова
полонёна опять беспокойной полынью?

Почему не могу я всю ночь напролёт
глаз усталых сомкнуть,
если с Запада или Востока
где-то поздно меж звёзд
дух гнетёт самолёт
да по крышам дожди рикошетят жестоко?
Есть у жизни людской потаённый исток,
и цветенья пора,
и пора листопада.
И кружится земля. И алеет восток.
Нелегко отвечать на вопросы —
а надо!

III

*Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
и только слышно, как шумит Катунь.*

Н. Рубцов

Языческий вид у Катуня, когда
с верховий летит коренная вода.

Дика, молода, от луны до луны
катает веками она валуны,

огромные глыбы – гранит и базальт –
о многом могли бы они рассказать:

свистела стрела Темучина – и страх,
как долгое эхо, катился в горах;

дрожали вершины, ревел зверь-шатун,
и с грохотом камни катились в Катунь,
когда повелела джунгарская знать
из спин человеческих ремни вырезать...

Чтоб горя не знали туба и телёс,
однажды пришёл от полей и берёз
белёсый народ – на дела молодой,
и крепость взошла над катунской водой.

...Под выгнутым небом вблизи от вершин
вынашивал долгие думы Шукшин

о Стеньке — крестьянском царе-бунтаре,
что полон был волей,
как челн на заре.

... Из Вологды дальней, задумчивый весь,
поэт

шум Катуня

разгадывал здесь.

И думал о чём-то своём вообще,
и шарфик взлетал, трепетал на плече.

...Какая меж нами большая страна!
Сегодня стоим на земле Шукшина.
А завтра, три тысячи вёрст пролетев,
я северной речи услышу напев
и сам покатаю округлое «О»,
друг скажет присловье:
— А что? Ни-че-го!

Обнимет по-русски — аж хрустнет спина:
огромна Россия, а сила — одна!

с. Сростки — г. Тотьма

ПОСЕВНАЯ, СЕНОКОС, СТРАДА

Пятерник

В. И. Белову

1

У седого пахаря спроси —
от земли вся мудрость на Руси!
Отродясь за ней не лез Иван
ни в чужой, ни в собственный карман.
Сеял хлеб, растил его и жал,
гнулся сам, но заповедь держал:
три кита крестьянского труда —
посевная,
сенокос,
страда.

2

Чиркнет стриж над речкой крылом —
хлынет дождь в громовой пролом.
Полновесный дождь, навесной —
и дохнёт земля новизной.
И коня запрягать, и на плуг налегать,
и, хоть шапка вались, бороздою шагать:
важно в сроки вспахать и отсеяться в срок.
Пар над пашней стоит. Пахарь-сеятель
взмок.
Солон пот и горяч. Сладко ноет в груди.
С поду сгибень-калач — впереди,
впереди!

3

Пал на травы бус-росинец –
не скупись на размах, косец!
Сеноставом живут, как встарь,
свет-июль и август-густарь.
И плечо напрягать, и плечом помогать,
и пырей на косу по-крестьянски спрягать.
Ладно выложить стог и прикладок к нему,
чтобы всё по уму – как ведётся в дому,
завершить до грозы и – какая краса! –
полежать на стогу, поглядеть в небеса.

4

Стынет в кадах иглистый лёд,
гусь-гуменник крылами бьёт.
Осенины. Синь. Холода.
День и ночь на полях страда.
Рожь, ячмень – для себя,
а овёс – для коня
перво-наперво взять до Семёнова дня.
А потом всем хребтом навалиться и жать,
чтоб гостей к себе в дом на блины приглашать.
Кочаном хрустит огород –
урожай встречай у ворот!

5

Скажет дед – уразумеет внук,
кандидат немислимых наук.

Не по книжкам надо постигать,
как лошадку в сани запрягать,
как отбить и выправить косу,
как подать навильник на весу,
как хлебам осыпаться не дать.
Словом, дальше детям передать:
три кита крестьянского труда —
п о с е в н а я,
 с е н о к о с,
 с т р а д а.

ПАНОВО

Поэма-хроника

Вступление

Отскочила в траву подкова,

источила подкову ржа...

– Кто срубил первый дом в Паново?

Кости чьи без креста лежат?

По раскопкам и по архивам –

не кладите нам палец в рот –

от Урарту до древней Хивы

каждый чешет что Геродот.

А родное село над речкой,

потерявшей в песках свой след,

ждёт,

когда же скажет словечко

об истоках его поэт.

А родное село поныне,

как прикинул недавно дед,

терпеливо торчит польнюю

два столетия и двадцать лет.

Незасорно ради основы

покопаться в родной золе.

Я, Панов из села Паново,

говорю о своём селе.

I. ПРАДЕДЫ

Денис Панов

Восемнадцатый век. Равнина.
Ни единой живой души.
Только гнётся верба-ветлина
на прибрежные камыши.

Кромка бора. Река Калманка.
Путник ковш осушил – вкусна!
Не о ней ли ему цыганка
ворожила в степи до сна?

Серп луны – стригунок бесстыжий –
пасса в небе, как повелось.
И сплелась с бородою рыжей
сумасшедшая ночь волос.

Степь не вывернешь наизнанку,
молчалива над ней звезда.
Беглый каторжник и смуглянка
ускакали – и нет следа.

Шли каурые в ногу рядом,
дни неслись, как течение вниз.
Борода улыбалась: – Рада!
И сверкали зубы: – Денис!..

На яру – чтоб видать далёко,
а силёнки не занимать –

в дом весёлый на восемь окон
внёс Денис не жену, но мать.

И когда, весь в отца родного,
сын Филипп огласил: «Агу»,
лом в руках Дениса Панова
изогнулся легко в дугу.

Вскоре тут Емельян Иवानыч
вслед за Стенькой оброс молвой.
В дом крестовый частенько на ночь
заворачивал след кривой.

А потом топоры стучали,
поднимались дома окрест.
Женихов отцы поучали,
наставляли бабы невест.

Слыл Денис мужиком толковым,
честь и слово в миру держал...
Отскочила в траву подкова,
источила подкову ржа.

Аксинья Панова

Начиналась светло запевка,
да ославила всё смола:

у Филиппа Панова девка
на Филипповку родила!

Небольшое село, с ладошку —
тут секрета не утаишь.
Прихватило куржак к окошку,
зашушукал в матах³ камыш.

А Филипп: — Нагулялась, сука,
я тебе заголю подол,
чтобы глаз не спускала с внука! —
и упал во хмелю на стол.

Не успел оклематься толком —
угощай с утра почтаря!
Сын со службы писал намёком:
поднимаются на царя.

Потемнела на доме крыша.
Сдал заметно и сам Филипп —
только слух разгуляться вышел:
сын-смутьян в рудниках погиб...

Вся надежда теперь на внука:
— Ну-ка к деду иди, внучок,

³ Маты — плетеные камышовые занавеси на окнах от ветра.

не слышал ли какого стука,
вроде ночью звякал крючок?

А Аксинья — литая бабка —
чёрным глазом кольнула — эх!
Шубка беличья, рысья шапка,
по опушке — соболий мех.

Брови вскинула:
— Стыдно, тятя, чё к ребенку пристали, чё?
И косу — на три девки хватит —
перекинула за плечо.

Ночью в дверь постучится сокол.
— Ты, Игнатушка? Не продрог?
И поднимется грудь высоко —
только пуговики, как горох.

Не уступит Игната девкам —
будет свадьба на всё село...
Начиналась светло запевка
и заканчивается светло.

Ипат Панов

Бродит хмель на печи дней девять.
— Встань, Аксинья, проверь лагун.
Муж Игнат, сын Ипат и деверь
волчью стаю нашли в логу.

В свою силу и ловкость веря
да в дружков на сменных гнедках,
человек выходит на зверя без ружья —
с молотком в руках.

Нынче будет на равных схватка,
кто кого — не ответит бог:
иль на горле — мёртвая хватка,
или искры из глаз — и сдох!..

Мчатся кони, в крови кипенье,
под копытами степь дрожит.

Кони – в пене,
и волки – в пене,
всадник падает –
зверь бежит!

На другого коня – и снова
жизнь и смерть продолжают спор.
Рядом с волком свистит подкова,
но матёрый силён, хитёр.

Задымится на третьем холка –
успевай, не зевай теперь.
Полыхает язык у волка,
в человеке проснулся зверь.

На скаку нога переносится –
на загривок в один бросок,
и с размаху на переносицу
опускается молоток.

Хрясь! – и кровь застилает очи,
солнце меркнет, и снова – хрясь!
Человечья ли это, волчья
почернела и запеклась...

Возле дома ватага спешилась,
голова гудит, как чугун.
Наигралась душа, натешилась. –
Открывай, Аксинья, лагун!

II. ДЕДЫ

Степан Железняков и Тимофей Солодовников

Обломилась на сборне плаха.

– Николашку, слышал?

– Угу!

Говорили: Панов Игнаха
человека нашёл в стогу.

В куртке кожаной, а морозец
под крещение гонял волков.

Бабы баяли: инородец.

Враки – Стёпка Железняков.

– Веришь-нет (видел кум Тимоха):
снял ботинки, а шкуры нет.
Только крякнул, как будто охнул –
вот тебе и большак, сосед!..

Говорят, Бухара и Хива,
чтобы камень стоял века,
изводили на это диво
реки женского молока.

Реки крови ещё прольются,
но во веки веков живи,
наша кровная революция,
на бессмертной людской крови!..

Мчатся кони, в крови кипенье,
под копытами степь дрожит.
Кони – в пене, и люди – в пене,
люди падают – конь бежит.

Степан Железняков
Тимофей Бирюков
Илья Забровский
Самуил Колтаков
Егор Коростелёв
Филипп Кошкин
Александр и Тимофей Лубягины
Владимир Лютов
Мануил Панов
Пётр Шадрин
Гавриил Шумских
Спи, Степан,
мы закрыли очи
флагом –
цвета, как наша власть:
человечья – алеет,
волчья –
почернела и запеклась.

Спите, красные партизаны,
в недалёкие времена
назовут в золотых сказаньях
ваши скромные имена.

* * *

Чьи там кони в заречье пляшут,
чьи обрезы бросают в дрожь?
Заварилась такая каша —
без Совета не разберёшь!

Сухо встречный прокашлял выстрел,
месяц в небе развёл посты.
Коммунисты и активисты
ткуют из дыма всю ночь холсты.

Ходит красный кисет по кругу,
(распустила контра супонь),
зло и пьяно на всю округу
подкулачивает гармонь:

«Раньше жили царь да царица,
были хлеб да пшеница.
А пришла Советская власть —
и в квашню нечего класть!»
— Ну-ка, Турбин, пальни в окошко,
чтобы эта заткнулась мразь!
Солодовников встал — гармошка
захлебнулась и осеклась.

— Хватит жить десятиной дробной,
в огородной ботве дрожать.

Нам,
не верящим в рай загробный,
штык и лемех в руках держать!..

И на вербное воскресенье
в бесцерковном уже краю
на весенней пашне Васеней
окрестили маму мою.

Митя Зацепин

Дремлет юность на динамите —
слёзы жгут, а пора будить.
Комсомолец Зацепин Митя
едет перепись проводить.

Рядом Сухарев — стремя в стремя:
— Ну, мечтай, не подкачай,
сэкономим сегодня время —
завернём в Паново на чай!..

У нардома народ в ударе —
негде даже окурку пасть.
— Что за перепись, слышал, паря,
послабленье или напасть?

— Приготовься, товарищ Митя, —
председатель крикнул в кулак, —
вот из волости представитель,
он и выложит: что и как.

Ничего, что дрожат колени,
в первый раз — высоко крыльцо.
От рубашки ли, от волненья
так пылает, горит лицо.

— Мир, товарищи, встал из пепла,
надо нам поддержать почин:
чтобы армия наша крепла,
встань с рабочим, крестьянский сын!..

Первый блин, да не вышел комом,
гнёт свалили слова с души.
Улыбается дядя Сёма:
— Молодец, орлёнок. Пиши!

* * *

Сникла к полудню даже осока,
время квасу напиться всласть.
Кромкой бора в село с востока
банда Чайникова ворвалась.

Сотня сабель горит на солнце,
атаман — в чёрной брани рот:
коммунисты и комсомольцы
все пойдут без суда в расход.

— Сотня, спешиться — и ни с места!
Я один. Хочу по душам...

Эй ты, Сухарев, гад известный,
хватит прятаться, сучья вша!

Комиссару знакома злоба
(только крикнул: «Митя, беги!»),
и упали вразброс до гроба
атамановы сапоги.

Был ты, Чайников, партизаном,
был отчаян в бою и смел,
да опился не тем дурманом,
а протрезвиться не сумел.

Вот лежишь, как пёс под забором,
горько труп твой земле принять...
Двое пеших метнулись к бору,
сотня кинулась догонять.

* * *

Что ж ты, бабушка Богачиха,
(или нет на тебе креста!)
дверь закрыла: изыди лихо! —
а мальчишка бежать устал.

Что ты сделал, Максим Сорокин,
(ну и контра ты все же, дед!)
видел Митю мгновенье ока,
а навёл бандитов на след.

Били Митю долго и тяжко,
а щербатый – Сорокин тож –
рубанул, не выдержав, шашкой
да ещё повернул, как нож.

Тронул русые кудри иней,
обагрилась кровью лоза.
Высоко в поднебесье синем
растворились его глаза...

Митя, Дмитрий, сквозь боль и слёзы
крепнет Интернационал.

Дуют ветры. Грохочут грозы.
Мир прекрасен,
как ты мечтал.

III. РОДИТЕЛИ

Мамины песни, отцовская сила

Сидит моя мама и тужит
о юности дальней своей,
где было с едою похуже
(картошка с водою на ужин)
и всё же жилось веселей!

Июль — сенокосный красавец —
село будоражил чуть свет,
и песня, земли не касаясь,
летела за бричками вслед.

Ах, песня — невеста России,
счастливая мать и вдова,
ты сеяла, жала, косила,
носила под сердцем слова:

«Колосилась в поле рожь густая,
шевелились усики овса.
Где-то за деревней, не смолкая,
девичьи звенели голоса».

* * *

Уродилась трава на славу,
высока — мужику по грудь.
Огласили песни дубраву,
что в колхозе «Единый путь».

Пот струится, трещат рубахи,
солнце в небе — не обратить:
меж землёю и небом птахи
надрываются: пить да пить!

— Эй, Петро Панов, отдохни-ка,
что завёлся, как трактор, прёшь.
Кровенеет в траве клубника,
упадёшь — губами берёшь.

Повариха наварит каши,
вместе ужинать хорошо,
дружно ложки по кругу пляшут.
— Эй, Петро, подложить ишшо?

Выпьет квасу ведро, как банку, —
и до зорьки гулять айда.
Степь не вывернешь наизнанку,
молчалива над ней звезда.

А придёт пора стогованья —
вот где силушку не унять —

разгорается соревнованье:
кто копну может враз поднять?

Веришь-нет (видел кум Серёга
да Семён Плешивцев, дружок),
как с копной на вилах трехрогих
обошёл Петрован стожок.

Где ты зреешь, русская сила,
где сверх силы силы берёшь,
поднимая стога на вилы,
подминая врага — хорош!..

«Хайль» — беснуется истерия,
но, история, не забудь:
не морозом сильна Россия,
наша сила —
единый путь!

Иван Никитич

Дед Зацепин орлом глядит,
грудь — ударь кулаком — гудит,
крут характер у деда — эх!
Рассказать о таком не грех...

Рос в работах в селе глухом:
день и ночь на коне верхом,
у отца — девичник в дому.
Вот как сила далась ему!

Разыгралась зимою кровь —
сват Нестерка, коней готовь! —
и в соседнем (видать, был люб)
завернули одну в тулуп.

Не беда, что коса узлом, —
брови чёрные на излом,
стан Авдотьюшки — сноп тугой,
сын родился, потом другой.

За столом ребятишки в ряд.
Вот откуда орлиный взгляд!

Можно точку бы ставить, да
постучала в ставень беда:
в память горьких годин с тех пор
курит дед родной «Беломор».

Отработал своё, вздохнул
и куда — на Памир — махнул.
И Мургаб, и Хорог, и Ош
убедились: шофёр хорош.

А потом — баранка кругла —
путь-дорога на фронт легла.
И катился «катюши» гром,
приближая родимый дом.

Строгий орден, медалей строй
с той поры на груди крутой
за нелёгкий крутой маршрут.
Вот откуда характер крут!

Можно кончить на этом, но
ветровое гудит окно:
в дождь и снег вдали от жилья
утирается колея...

А последние десять лет
лесником работает дед.
— Что, Иван Никитич, в объезд?
— Да кто не робит, тот хлеб не ест!

Дарья Драчёва

— Что ты видела, тётя Даша?
— Насмотрелась всего, сынок.
(А сама в Барнауле даже
раз была, да и то денёк.)

Поначалу вручную жала,
в 31-м в колхоз зашла.
До войны детишек рожала
да с войны мужика ждала,

да тоску-печаль обнимала —
муж вернулся и в землю слёг —
да одна детей поднимала
до ума и до крепких ног...

В кофте простенькой — не в парчовой —
и такой же платок на вид.
Мой рассказ о Дарье Драчёвой —
жизнь как раз на таких стоит!

Евдокия Панкратьева

Тётя Дуся, Евдокия,
сколько вспахано — не счесть!
Где вы, ключики такие:
«32 на 36»?..

Красный угол без икон,
на столешнице — флакон:
в волосах цыганки роза,
роза в пальчиках — точь-в-точь.
То ли премия колхоза,
то ли Гришина — за дочь.

Тракторные героини,
маков цвет ударных смен,
в керосине, липроине —
обходились без «Кармен»...

Патефон от рук отвык,
а в дому то стон, то крик:
«Всё война, война, война,
Всё одна, одна, одна.
Сама лошадь, сама бык,
сама баба и мужик!»

Утром тучи серым фоном,
дождь ли, слёзы – не поймёшь.
С ХТЗ – не с патефоном:
расшифруешь – заведёшь.

Шли, колёсами блистая,
аж дрожал бригадный стан.
Называл подруг с Алтая
главный диктор Левитан...

Ночью прошлое нахлынет,
руки ноют, спасу нет.
Извините, что с польностью
получился мой букет!

**Алексей Гальгин
и Дмитрий Пушкинко**

Оба-двое честь по чести –
хлеборобы не за страх –

на комбайнах врозь и вместе
натряслись —
гудит в ногах!

Наклепались, налатались —
всё полотно да ремни, —
вдоволь пыли наглотались:
хлеб без пыли в кои дни!

Археологи не сыщут,
не учтёт ни чёрт, ни бог,
сколько сбито сапожищей
по обочинам дорог.

А до дому путь неблизкий,
а в дому детей не счесть,
а по щам скучают миски,
а детишки просят есть...

И такое вам знакомо —
вы такие не одни —
засыпали по полдома
хлебушка на трудодни!..

Нынче старость подступила,
нынче молодость взяла.
Но ещё осталась сила,
и в совхозе есть дела.

Оба-двое честь по чести –
хлеборобы не за страх –
на мехтоке снова вместе,
по две смены на ногах.

И пока земная сила
из глубин встречь солнцу прёт,
будет жить в моей России
несгибаемый народ!

Победа
С песней встали навстречу стали,
песней стали, уйдя в бои.
Это к ним обратился Сталин
задушевно: «Друзья мои!»

И, платки повязав сурово,
не заплаканные пока,
проводило на фронт Паново
половину, считай, полка.

А в тылу, в глубине России –
век глядеть бы – не надоест! –
наливались колосья силой,
как тугие косы невест.

А в тылу, за седым Уралом,
в занесённом селе по грудь

выводил партизан бывалый
крупно сыну: «Достоин будь!»

В ледяной воде переправы
обжигались,
стыли в огне
кавалеры солдатской славы
на последней – дай бог! – войне.

Рядовые и капитаны,
умирая, делали шаг
и за Митю, и за Степана,
и – за хлеб, что шумел в ушах.

За безвременные седины,
за невест, надсадивших грудь,
за единственный и единый –
ну а в общем,
наш общий путь...

Мир пропах черёмухой снова,
и рассеянные по фронтам,
воротились не все в Паново,
каждый третий – остался там.

В честь Ивана, Ильи, Демьяна,
Митрофана, Петра, Кузьмы
рядом с памятником партизанам

посадили деревья мы.
Самый мирный и самый древний
тронул землю
весенний плуг...

На бессмертном древе деревни
начинается новый круг.

IV. МЫ

Алексей Попов

Друг Алексей выводит в поле трактор,
я вывожу неровную строку.
Спокойный, рассудительный характер,
а мне покоя нету на веку.

Он от земли почти два метра ростом,
я не удался ростом – рядом с ним.
Сидим себе на брёвнышках и просто
о нашей сложной жизни говорим.

Я про ДТ и новые машины
(вот К-700 – любой своротит дом),
а он насчёт финансовой вершины,
что мы берём писательским трудом.

Я постигаю сущность плоскореза,
глубинный смысл вершковой пахоты,
а по стихам, где я воспел железо,
идёт наждак суровой простоты.

Да будет нам отрадою Паново
без суеты,
тщеты
и маяты.
Мы земляки. Нам завтра сеять снова:
ему – зерно,
мне – зёрна доброты.

Родня

Не застал я деда Егора.
Говорят, он пришёл с германской,
отравившись каким-то газом,
поболел немного и помер;
а у вдовой Марины с горя
слух пропал,
а в дому – считай:

сын Степан – погиб в 41-м,
дочь Матрёна – по мужу Бельских,
дочь Наталья – Кузовкина ныне,
Михаил сын – в Москве, полковник,
дочь Васенья – мама моя.

(Между ними – замечу в скобках –
было трое ещё младенцев;
все они во время Гражданской
от болезней в землю сошли.)

У снохи тёти Кати после
похоронки на дядю Степана
сразу четверо ребятишек:
Шура с Машей да Валя с Ильёй.

У Матрёны две дочки с сыном:
Валентина, Мария, Василий.

У Натальи —
та же картина:
Нина, Лидия, Александр.

У полковника Михаила —
сын Сергей и дочка Светлана.

У Васени —
самой последней —
сыновья: Николай и я.

Нам сыграли на счастье свадьбы,
женим мы детей не впервой...
А какая семья сошлась бы —
если б не было в мире войн!

Эпилог

Следопыты нашли подкову,
всё испито —
и мёд, и яд.
Кто срубил новый дом в Паново,
чьи дома со звездой стоят?

Если время гудит сурово,
если угли горят в золе —
я, Панов из села Паново,
говорю о родном селе!

Появилась в селе обнова —
пой со всеми навеселе —
я, Панов из села Паново,
говорю о родном селе!

Всё, что я переплавил в слово,
что останется на столе —
я, Панов из села Паново,
говорю о родном селе!

с. Паново

У БОЛЬШОЙ ВОДЫ

Сказка о земляках-барнаульцах

I. Сказ – откуда пошли Олонские да Тобольские улицы

*Первые купцы, земледельцы, посадские, ямщики,
казаки... всё это приливало в Сибирь с севера.*

В. И. Даль

... И покинули море Белое,
где окатыши-лешаки,
работящие и умелые
вологодские мужики,

да олонецкие брательники,
да артельный табольский люд.
Под посконью кресты-нательники,
что в земле новгородской льют.

Не сердчай-сучай, речка Сухона,
укрепите дух, Соловки!
Там, за Камнем, земляца – ух, она! –
широка до Оби-реки.

Хороша, чернозёмна пахота –
посади весло, и взойдёт!
Говорят, облепиха-ягода
золотеет, как в сотах мёд.

А берёза белей часовенки,
а сосна – стройна, как собор.
Бор возвышенный, бор диковинный
на угор бежит, на бугор.

А в бору смолевой излукою
вьётся-льётся обской приток.
Повстречаешься там со щукою –
захолонет нутро, браток!

...Шли на лодьях, как деды исстари,
долгим волоком люди шли.
И однажды пристали к пристани
незнакомой досель земли.

И ударили враз топорики,
под бухтинушку лёг венец.
Разберутся потом историки:
где начало, а где конец.

Быль сплелась, будто грива конская.
Мастерам поклон за труды,
коль в согласье живут
Тобольская
да Олонецкая-Олонская
третий век у большой воды!

II. Сказ — ставленьє Знаменского храма

Огонёк в окне потух,
темь сошла по сходням скользким.
И олонецкий петух
состязается с тобольским.

Бабы — хваты по ухватам,
мужики — по топорам
Голь на выдумки богата,
Коль всем миром ставит храм!

Лес отборный, в полобхвата,
тем под силу, кто не квёл.
Неспроста старик Курбатов
сына Якова привёл.

Видно силушку медвежью —
пусть левша и ряб с лица! —
по всему правобережью
нет достойней молодца.

Брызжет яростно щепы,
Яков брёвна — на попа,
подаёт на верхотуру,
не жалеючи пупа.

Тихобаев Сёмка — ряж:
топором хватает кряж,
ловко рубит угол «в лапу»,
подавай ещё, уважь!

А Григорьев Гришка — тот
пота лишнего не льёт:
он окошко окосячит,
будто песенку споёт.

Золотым смолёвым духом
дышит вся округа сплошь.
Липнут взглядом молодухи
к мужикам —
не оторвёшь!..

На шатровый четверик
ставлен дивный восьмерик,
барабан резьбой украшен —
тут потешился старик.

И парила по-над Обью,
звон творила и плыла
сказка, коей нет подобья —
солнечные купола.

Мастер знал, касаясь неба,
что живут впотьмах кроты,

что никак нельзя без хлеба
и нельзя —
без красоты!

II. Сказ об Иване Ползунове и его о
гнедействуемой машине

*Дабы сей славы (если силы допустят) Отечеству
достигнуть...*

*облегчая труд по нас грядущим. Так что я должен
все возможные труды и силы на то устремить,
коим бы образом огонь слугою к машине склонить.*

И. И. Ползунов

1

Плюнет в реку, как хрюкнет с моста,
иноземец — и совесть чиста.

Он за плату готов нашу речь
канцелярским шпицрутенем сечь,

самородную мысль растереть, как плевков,
и крахмальным платком
отереть свой сапог.

Два столетия прошло, а читать невтерпёж,
как ходил Ползунов на духовный
правёж.

Тараканьим усом шевеля над губой,
Немец-канцелярист упивался собой.

Унижая талант, педантично
с листа
он читал,
как вбивал гвозди — лично! —
в Христа:

«... при литье в стеклянном заводе
У механикуса Ползунова к машине, из
гору в выпуск медь нисколько не пошла ...
И видно, что оное производитца от несмотрения ево,
Ползунова, а особливо от нерачения плутов мастеров...»

Тяжко слушать булыжно-облыжный приказ,
будто мчится с горы на тебя тарантас:

поздно вспять отступить,
только — грудью вперёд.
«Пусть уж лучше меня,
а машина живёт!»

«... Господину механикусу Ползунову
приказать, чтоб сего ж июня 24 числа у той
трубы, как дело балвана и литьё,
производить на мастерской кошт, которые
при том будут работать...»

«Пусть уж лучше меня,
но останется нить,
чтоб огонь к той машине
слугою склонить!»

«... И сколько они проработают дней к выдаче
по окладам их денежного жалования в документ
не показывать ... о чём господину Ползунову приказ для
исполнения объявить...»

«Пусть уж лучше меня –
колесом тарантас,
но облегчится труд
грядущим по нас!»

Ради дела стократ
стоит сжаться в комок
и принять, как Сократ,
яд язвительных строк!

Не сдаваясь, терпеть –
все труды впереди!
Лишь бы только успеть...
И кольнуло в груди!

2
Чад бессонных свечей.
Чертежи, чертежи.

Ад плавильных печей.
Сквозняки-крутежи.

Раскалённая медь.
Молот мал, да удал.
Это надо суметь:
Расковать в лист металл.

Выгнуть сферу котла.
Камнем выложить печь.
Жить, сгорая дотла,
и себя не беречь...

Горлом хлынула кровь.
А потом — забытьё.
И, уже отходя,
он увидел Её!

3

И машина огнём задышала (пора!),
пар в движенье привёл (молодцы мастера!)
поршень, вал-кривошип (взад-вперёд, взад-вперёд).
Пот волненья прошиб любопытный народ.

И вздохнули большие меха для литья.
Серебристым потоком хлестнула струя.

У Стеклянного взвоза, у самой реки,
помянули механика ученики,

осенили перстами творенье его...
Он не дожил до пуска неделю всего!

IV. Сказ о ямщицкой доле

Мой прадед на тройке ямщину гонял,
Ямщину гонял – в дрожь прохожих вгонял!
И чудом держался треух на затылке
на тракте Ребриха – Большие Бутырки.

Случалось: фарило, орёл выпадал –
и прадед Трофим в Барнаул попадал.
Ждала ямщика при деньгах вся родня:
копейка с версты и копейка с коня!
Вернётся с мошною – да как бы не так!
Трактир за спиною, а прямо – кабак.

Едва оклемается с водки Трофим,
а тут целовальник, как коршун, над ним:

– Что думаешь? От мыслей болит голова!
Изволь-ка пивца братьев Ворсиных, а?
Селёдочка к пиву, а к водке рубец. –
И вновь головою поник удалец!

Напиток хмельн, целовальник умён:
отпустит – не впустит до лучших времён.

От века всевышним означено так:
кабак, дом, работа и снова кабак.
И царь-самодержец, и прочая власть
довольны (гуляйте, ребяташки, власть!).

Карманы пусты... Черно на душе...
И надо бы думать, да нечем уже...
И песня,
как будто о помощи крик,
терзает —
в степи замерзает ямщик!

V Сказ о Степане Гуляеве и шубе, именуемой
«барнаулкой»

1
Ночь глуха и заборы глухи,
но, едва заря полыхнёт —
из тенёт выползают слухи,
обыватель на слухи льнёт.

— Слышал?
— Нет!
— Под навес зайдём-ка,
а ещё в соседях живёшь:
шубник Лапин, который Сёмка,
окрутил Гуляева.
— Врёшь!

— Да пойми ты, Иван-голуба,
в толк возьми, голова гуся:
ну откуда на Сёмке шуба —
жуковая, живая вся?!

Шёл намедни, как туз, к обедне,
выхвалялся в ней, вертопрах.
А Степан Иванович, бедный,
в краске весь, овчиной пропах!

— При его-то должности-чине
я бы кукиш сказал овчине
и не мучил ночами лоб,
а деньгу бы лопатой грёб!..

Пётр — Ивану, Иван — Илюхе,
тот — жене, а жена — куме.
Ночи глухи, заборы глухи,
каждый дом — себе на уме.

Барнаулка к Оби спешила,
как с повинной гулёна-дочь.
И горчила в чану крушина,
и отвар клокотал всю ночь.

2
Не скупы на слова хозяева,
да цена-то словам — алтын.

Шубник Лапин обвёл Гуляева
вокруг пальца (вот сукин сын!).
На коленях стоял, страдалец,
слово дал не иметь корысть.
А пошёл барыш-капиталец –
за целковый готов загрызть!

Взгляд тяжёл – что в два пуда гири,
брови – даже в праздник – в навес.
Гонит шубы по всей Сибири,
далеко за Урал пролез.

Чай внакладку пьёт – не вприкуску,
а Гуляев живёт внатяг.
В тихом домике на Иркутской
честь не меряется в рублях!

3

Здравствует крот в подземелье,
хвалит сверчок свой шесток.
Злой, как урядник с похмелья,
ветер осенний жесток.

Ставни срывает и крыши,
ломится – сила сама!..
Только Гуляев не слышит –
строки нейдут из ума.

Лампа ослепла от света,
ночь беспросветно длинна.
Как это там у поэта? –
«Чаша с краями полна!»
Горе на дне отстоялось,
Зреет, как истина, страсть.
.....
Может, всего-то осталось
Маленькой капле упасть!

ТВЕРДЬ-ЗЕМЛЯ

(Цикл сонетов)

О Русская земля!

Уже ты за холмом!

Слово о полку Игореве

1

Ледоход, мятежная вода —
гулкие предтечи нашей речи:
неспроста у рек больших и речек
мы, славяне, жили навсегда!

Прошлое приемлю без идиллий:
клич ушкуйный, вековая тишь —
северяне в древности ходили
на Тобол, на Обь и на Иртыш.

Путь в Сибирь никто им не святил —
ведали движение светил,
в океан на кочах ускользая.

Снилась им великая река,
и светила им издалека
даль над полем истинно сквозная.

2

Утро жизни. Устали не зная,
свежий ветер вётлы ворошит.

И трепещет красота резная —
каждый лист весь солнышком прошит!

Над селом, над отчим огородом
кроны труд немислимый вершат:
три столетья над крестьянским родом
вётлы память рода сторожат.

Преклоняю пред тобой колени,
пращур мой в двенадцатом колене,
ты сажал их в трудные года.

И твоей заботой и любовью
в каждой новой ветви родословья
в жилах кровь упруго молода!

3

Синева счастливая, густая
после гулких, благодатных гроз.
Журавлей ликующая стая,
светлое достоинство берёз.

Загустела розовая влага
в каждой ветке, в жилочке листа.
Даже темь глубокого оврага
родниковой прелестью чиста.

Жаворонок. Поле. Небеса.
Человек затем и родился,
чтобы этой троице молиться.

Птице — небо, небу — россыпь звёзд,
полю — жито в человечесий рост,
житу — в пояс пахарю клониться!

4

Вещий камень. Карк зловещей птицы.
От истока летописных лет
горсть земли за пазухой хранится —
наш исконно русский амулет.

Заслони собою ковыли,
где б ты ни был, пусть с тобой отныне
будут лук Алёши, меч Добрыни,
булава тяжёлая Ильи.

Вдвое, втрое, вчетверо обидней
за дремуче-бездуховных сидней
(стержня, что ли, нет у них в душе?)...

Катит ветер перекасти-поле,
но стоит, как ратник доброй воли,
в зрелый полдень колос на меже.

5

Кижами, спасёнными от тлена,
надобно гордиться, но — когда?..
Храм ветшает. Бьётся в берег пена —
и мертвеет в озере вода.

Русский Север не поганил имя,
вольным рекам — честь и исполать!
А представьте, что бы стало с ними,
если б мы их повернули вспять!

Облака и купола качала,
ближние и дальние огни,
славилась Россия изначала
и на том стояла искони:

дружбой и беседой сокровенной,
чистотой Байкала и вселенной!

6

В каждом деле только на пределе,
в полный рост и праведный замах.
«Не застало б солнце вас в постели!» —
наставлял издревле Мономах.

Встреть в заботах ликованием зорь,
что судьбой даровано от века,
не унизь себя как человека
и гордыней род не опозорь!

Не избыло это поученье
своего гражданского значенья —
вот как надо думать и радеть!

Жить не ради лика на медалях,
а во имя истины в скрижалях.
Жизнь прожить — не шарик облететь.

7

Есть свой космос в жизни человека,
или по-старинному — стезя.
И святые истины от века,
без которых просто жить нельзя.

Внук славян и почитатель солнца,
сын села и отчины большой,
что хранится, что у нас поётся,
что в грядущем будет за душой?

Всё ли мы, как надо, развенчали?
Как бы нас опять не укачали
солнце славы, лести полутьма?!..

Хочется надеяться и верить,
и аршином прошлого не мерить
всё, что жизнь отринула сама!

8

Остаётся золотая треть:
жёсткие, итожащие годы,
годы полной внутренней свободы —
путь кремнист и камениста твердь.

Тягу ли земную волоку,
мысль острою ли над равнинной гладью —
вот она, знакомая до пяди,
с беспредельным «Словом о полку...»!

Светорусье — это праздник света,
поле брани, подвиг Пересвета,
стремя, перемётная сума.

Ратная, стократная отвага
от Кремля седого до рейхстага.
Звёздный час. Горение и тьма.

9

За холмом — история сама:
порубежье удали и чести,
воронье не стоят на месте —
и Каяла видится с холма!..

Зрелость искромётного ума.
Ратник слова и земли оратай,
пот у нас на вкус солоноватый —
и Непрядва видится с холма!..

Я стою на Куликовом поле —
шесть столетий мне и русской воле,
в жилах кровь свежа и молода.

Пусть как знак духовного здоровья
обновляет ветви родословья
вешняя, мятежная вода!

ШУКШИНСКАЯ КАЛИНА

Венок сонетов

1

Россия, будь заступницей в трудах!
Не отступлюсь, не поскоплюсь на чувства
воспеть восторг рубиновый в плодах
и каторгу любимого искусства.

Хочу постичь земную красоту,
в родные дали вглядываясь зорко
и с высоты обычного пригорка,
и с высоты заоблачного «Ту».

Цветы полей, характеры людей
и утвержденье собственных идей
(рассудит Время – мало или много),

вселенский мир вплетается в венок:
и тлен, и червь, и человек, и бог,
и мы с тобой, не верящие в бога!

2

И мы с тобой, не верящие в бога,
в виденья и знамения Христа,
несём неукоснительно и строго
тот тяжкий крест, чьё имя Красота.

Стезя большого мастера опасна:
с холстом на «ты», с листом всю жизнь на «ты»,
сжигать себя во имя красоты —
и потому мучительно прекрасна.

Густеет кровь. Сердца на части рвутся —
при жизни лавры редко раздаются,
но ты забудь про годы и года.

Во имя благ не лебези в угоду —
любезен будь Отчизне и народу,
пока беда тревожит провода!

3

Пока беда тревожит провода,
и не открыта ни одна граница,
не спят солдаты в шумных городах,
и в тихих сёлах воинам не спится.

Фронтвики — им памятна война:
они такие дали отмесили,
что до сих пор спасённые не в силе
всех отыскать и наградить сполна.

Пока пустой рукав фронтвика
за автоматом тянется, пока
звучит в ночи учебная тревога,

пока на съёмках фильма — на краю —
актёры гибнут, как отцы в бою, —
не посрамим родимого порога!

4

Не посрамим родимого порога
в родной стране и в дальнем далеке!..
Прижмись щекой к тем затесям, что строго
года и рост хранят на косяке.

Они — твоё начало и наследство,
и если ты — земли достойный сын,
иди, но так, как уходил Шукшин:
не покидая родины и детства.

Да будут в снах тебя тревожить чаще
степные дали и лесные чащи,
и если с ними сросся ты душой,

ты не забудешь низенькой избушки,
где у скорбящей матери-старушки
темнеет лик иконы небольшой!

5

Темнеет лик иконы небольшой!
О русская подвижница — икона!
Знать, узкий лоб с недоброю душой
К тебе ярлык приклеил: «вне закона».

Тебя свели к религии одной,
а между тем среди шедевров мира
ты в разных луврах выглядишь не сиро,
в тоске чернея по земле родной.

Не эмигрантка — вылезла тайком:
на чёрном рынке хитрый выставком —
пойди узнай иуду по обличью.

Тужи, Кижы и чудо на Нерли,
ещё одну икону увели —
Любовь и боль, страданье и величье.

6

Любовь и боль, страданье и величье,
из вас, земных, поэты всех времён
наперекор глухому безразличью
сплели венок божественных имён.

Вот Ярославна вещего Бояна –
Праматерь русских женщин и пример.
Пришла в стихи – и пушкинский размер
письмом любви возвысила Татьяна.

Волнуют ум загадкой непростой:
с кого Наташу написал Толстой,
как он сумел Катюшу возвеличить?..

Глядит в окно шукшинская луна.
И дорогие сердцу имена
теченью лет вовек не обезличить.

7

Теченью лет вовек не обезличить
звезду в росе и в небе журавля,
покамест будут жить, а не граничить
и человек, и небо, и земля!

Леса и горы, реки и слова,
глаза и уши, руки-ноги, дело –
а чтобы небо синью холодело,
дана тебе не даром голова!

К чему все эти почести и звёзды?
Ты, человек, для этого и создан:
растить хлеба, спешить до проходной,

беречь природу как зеницу ока,
и да помогут быть тебе пророком
святые муки матери земной!

8

Святые муки матери земной
по имени и облику – Мария.
Присядь со мной и помолчи со мной,
Печальница, Заступница, Россия.

Вот припозднилась, сына заждалась –
лишь он один её утешить мог.
«Василий свет Макарович... сынок
единственный... русоволосый Вася».

Давно уже повыплаканы очи,
но ставень стукнет, и молчать нет мочи,
к груди прижмётся чуткая рука.

И ничего-то матери не надо –
лишь только б Вася оказался рядом...
Прекрасна жизнь – смерть на земле горька!

9

Прекрасна жизнь – смерть на земле горька.
Сюжет рассказа прост и необычен:
однажды он в тиши у бугорка
задумался на кладбище столичном.

Теплынь струила радость бытия.
Он вольно думал о земном и вышнем.
И тут старушка подошла неслышно:
— Ты что, сынок? Могилка-то моя.

Она ему поведала, как сыну,
свою печаль, свою тоску-кручину,
слезу утёрла кончиком платка...

Кто знал, что скоро — где же ты, удача?
— над ним калина красная заплачет,
в горах Алтая пенится река!

10

В горах Алтая пенится река,
красивая и «белая от злости»,
как будто знает, что издалека
он отлучён к ней заявляться в гости.

Шумит Катунь — не мешкайся, держись —
она не раз слыхала над горою,
как там годки — шукшинские герои —
срезались жарко с автором за жизнь.

Он с ними рос, любил, озорничал,
делил невзгоды, радости встречал,
служил на флоте и сплавлял лесины.

Он нараспашку был под пиджачком
и слыл простым, и не был простачком...
Катунь, как мать, оплакивает сына.

11

Катунь, как мать, оплакивает сына.
И он души не чаял в ней, когда
по берегам невестилась калина —
ах, как бы Стеньку Разина сюда!

Весёлый смех, народные печали,
одно словцо — сгодится про запас —
сам трудно жил, но, одаряя нас,
хотел, чтоб люди Доброту венчали.

До той последней памятной калины
он шёл к себе, не зная середины:
глаголом жёг и плакал между строк.

И даль открылась перед влажным взором,
и в этой дали вечные, как горы,
есть солнце — Пушкин и его «Пророк»!

12

Есть солнце — Пушкин и его «Пророк».
У всех ли хватит смелости и духа понять,
поднять высокий этот слог
и недоступный, как в горах Белуха!

На те вершины зри из-под руки,
дерзай, пытайся, больно спотыкайся,
но от своей мечты не отрекайся:
дойди однажды до большой строки.

И пусть тебе отказывают ноги,
но ты иди по избранной дороге,
как на звезду идут, на огонёк.

Во ржи волнистой несказанным светом
он светит всем, рабочим и поэтам,
есенинский разбойный василёк!

13

Есенинский разбойный василёк —
избранник неба и посланник неба —
упорно тянет спорный стебелёк
в раздолье неба из раздолья хлеба.

Земля России. Синие глаза.
Тугое пенье солнечных колосьев.
И ты стоишь, молчишь, обезголосев,
чтоб после людям нежное сказать.

Пока шумят берёзы над рекой,
пока в тебя вселяет непокой
далёкий оклик тающего клина —

нужны, как хлеб, как правда, для души
и василёк, смеющийся во ржи,
и горькая шукшинская калина!

14

И горькая шукшинская калина
озябшей кистью тянется в окно.
Её ветрами осень накалила,
и обожгла зима морозом — но

она горька до той поры, до срока,
когда любовью платят за любовь —
оттает влага алая, как кровь,
и обернётся благодарным соком.

И ты, в себе накапливая боли, не спорь —
заботься о народной доле:
вольготно ль жить в полях и городах?

Что о себе завистливо стараться?
Твой час настал. Пора за дело браться.
Россия, будь заступницей в трудах!

15

Россия, будь заступницей в трудах!
И мы с тобой, не верящие в бога,
пока беда тревожит провода,
не посрамим родимого порога!

Темнеет лик иконы небольшой –
любовь и боль, страданье и величье.
Теченью лет вовек не обезличить
святые муки матери земной.

Прекрасна жизнь – смерть на земле горька:
в горах Алтая пенится река
Катунь, как мать, оплакивает сына.

Есть солнце – Пушкин и его «Пророк»,
есенинский разбойный василёк
и горькая шукшинская калина!

с. Сrostки – г. Барнаул

Слово о
полку
и гоевѣ

I
НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНА...

*Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояна...*

Соколы в небесные объятъя
высоко взлетают —
молодеть!..
Не пристало по старинке, братья,
о походе Игоревом
петь.

Пусть начнётся,
солнцем осиянна,
и споётся песня до конца
не по замышлению Бояна,
вещего сказителя-певца.

Ибо тот Боян —
соловей славян —
гусли в руки брал,
волхвовал-играл.

Мысль летягою-векшей по древу
скакала да прыскала,
серым волком
ярами-оврагами рыскала,
прозорливым орлом
в поднебесье ходила без устали:
ныне – в Киеве,
завтра – в Суздале.

И знобила песня непростая
многотрудной
радостью побед,
и неслись за лебединой стаей
десять быстрых соколов вослед.

ДЕСЯТЬ ВЫСТРЫХ СОКОЛОВ

Только в небе,
скорый на расправу,
первый сокол
лебедь настигал —
лебедь пела славу Ярославу,
а другая —
храброму Мстиславу,
что сразил Редедю наповал.

Третья лебедь, песни не тая,
князь-Романа славила над Русью:
молодо надеялся Боян
на персты и звончатые гусли.

Рокотали струны —
и служили
песни князю
и его дружине...

Храбрость взвив
над разумом строки
и в боях мужая с каждым годом,
Игорь-князь повёл свои полки
в степи половецкие
походом.

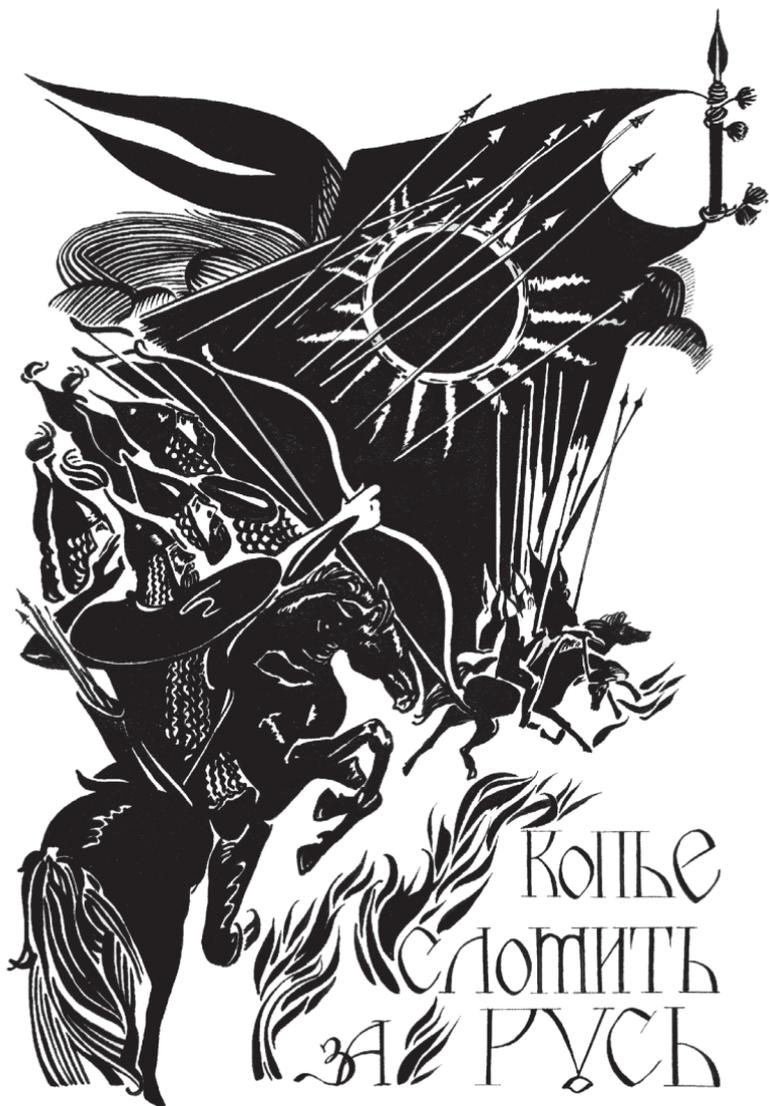
II

ЗНАМЕНИЕ. КЛЯТВА ИГОРЯ

*Тогда Игорь взре
на светлое солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты...*

И взглянул на солнце Игорь-князь,
и десница князя задрожала:
тьма,
 полки прикрывшая,
 клубясь,
по земле,
 по травам побежала.

И открылись,
как с холма — чужбина,

с вами, братья,
раскатившись громом,
за родную землю —
не за страх —
либо Дону изопьём шеломом,
либо прахом
ляжем на холмах!

* * *

Жарко бьётся зарево знамён,
гнётся степь под тяжестью кургана...
О Боян, о соловей времён
древних троп Велеса и Трояна,
ты бы, вдохновеньем упоён,
на заре до поднебесья грянул:

«То не ветры в Диком поле так свистят
это соколы князь-Игоря летят!

И седыми ковылями там и тут
клуши-галицы трусливые бегут.

Ржут гнедые там, где катится Сула —
А уж в Киеве звонят колокола!

Трубы в Новгороде грянули с утра —
А в Путивле в стягах плещутся ветра!»

III

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПОХОД

*Один братъ
одинъ светъ светлый —
ты, Игорю!
оба есве Святъславличя!*

Ждёт князь Игорьь,
брата Всеволода ждёт,
чтоб с буй-туром
дальше выступить в поход.

Брату милому
за преданность мечу
это званье —
что кольчуга по плечу.

Прискакал. Лицо от радости
горит.
«Здравствуй, брат мой,
свет мой светлый», —
говорит.

«Кони рвутся в бой,
свято славь мечи,
оба мы с тобой —
Святославичи!

Так седлай гнедых поскорее, брат,
а мои уже под седлом стоят,
бьют копытами,
бьют подковами
громовитыми.

А курян моих
знает друг и враг:
колыбелил их
звук трубы в боях.

Да, не зря курян
знает враг и друг:
с острия копья
вскормлен вольный дух.

Луки, стрелы храбрым воинам с руки,
все яруги⁴ им известны, родники.

Рыщут в поле
и, бесстрашные в судьбе,
ищут славы – князю,
почестей – себе!»

⁴ Яруга – овраг (древнерусск.)

* * *

Время Игорю
злат-стременем сверкнуть —
да светило заступило
тьмою путь.

И на степь,
века не знавшую границ,
ночь обрушила
кромешный ужас птиц.

Взбился див⁵,
с вершины дерева во мгле
кличет вести он
незнаемой земле:

Волге,
 Сурожу
 и Корсуню,
 и тьме,
где болван тьмутороканский
на холме.

И навстречу войску Игоря в ночи
засверкали половецкие мечи,
неизвестными дорогами кругом

⁵ Див — демоническое существо из славянской мифологии.

скрип тележный покатился,
будто гром.

Дик и страшен
половецкий скрип телег...
Игорь к Дону
движет войско
на ночлег!
... Пляшет пламя.
Как пророчество судьбы –
шумно вороны покинули дубы.
Волки воют по оврагам, и орлам
скоро с ними пир
делить
напополам.

Брешут лисы на щиты
из ковыля.
...За холмом уже ты,
Русская земля!

День забрезжил.
И, знамёна обагря,
отпылала по-над степью
свет-заря.

Встали русичи. Багряные щиты,
строй с достоинством сомкнули – без тщеты.

Встали русичи,
бесстрашные в судьбе:
ищут славы – князю,
почестей – себе!

IV

КОПЬЯМ РУССКИМ ИЗЛОМИТЬСЯ!

*Съ зараня въ пятокъ
потопташа поганяя плъкы половецкыя,
и рассушыяь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя...*

Лишь мечи сверкнули,
как орала,
по движенью княжеской руки
налетела конница и смяла
в поле
половецкие полки!

И храпели бешеные кони,
и, от скачки той помолодев,
русичи отважные в погоне
полоняли
луноликих дев.

Да не тронет
половецкий кречет,
не спугнёт дремоты
с ясных глаз!
Гасит ветер
искры пепелища,
и зола седа, как солончак.

...Серым волком
Гзак коварный рыщет,
следом к Дону
правит след Қончак.

* **

Густо в травах кровенеют зори,
и от моря – чёрного с утра –
потянулись чёрные, как горе,
тучи и солёные ветра.

В чёрных тучах молнии трепещут:
грому быть, дождям и стрелам – лить.
Тщатся тучи пологом зловещим
все четыре солнца заслонить.

Время –
стрелам хищно изостриться,
хлынуть ливнем в громовой пролом.

Время —
 копьям русским изломиться,
время —
 саблям острым иступиться
 на реке Каяле о шелом...
О, земля родная за холмом!

* * *

Лук стянула тетива тугая,
звук подобен боевой струне.
Сеют стрелы ветры,
помогая
вражеской гортанной стороне.
Пыль метут в глаза
Стрибожьи внуки
так, что в поле
не видать ни зги.
с Дона помутневшего, с излуки,
обступают Игоря
враги.

Слух забило
окаянным кликом,
сохнет в горле
горечь чебреца.
Встала Русь в молчании великом:
щит к щиту —
чтоб насмерть,
до конца!

* * *

Не пристало уповать на случай –
грудь вперёд и разворот плечом! –
в гуще боя
Всеволод могучий
к брату
 пробивается
 мечом.

Хороша булатная поэма –
грозный взлёт калёного огня:
лишь слетают шишаки и шлемы
под копыта
гордого коня!

Не пристало помышлять о ранах –
как там Игорь?
Где его хоругвь? –
навалились полчища поганых,
отбиваться
не хватает рук!

Встало дыбом и упало поле,
копьё ли дышит?
жжет ли суховей?..
И не время думать о престоле,
о прекрасной Глебовне своей!

V

ТЯЖКИЕ ОЛЕГОВЫ ПОХОДЫ

*Тогда по Руской земли ретко
ратаеве кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себе дяляче...*

Было время – как вещали струны –
и страшали русичей перуны.

Шли лета без горя и печали –
люди князя Мудрым величали.

Вспоминались и другие годы –
тяжкие Олегovy походы.

Тот Олег
и не жил по глаголу –
спал в седле
и на земле вповал,
он из ножен
доставал крамолу,
из колчана
пашни засевал!

В стремена
вступал в Тьмуторокани,
а коня разгорячённый мах
с поля брани

слышали заране
и в домах,
и в княжьих теремах.

На миру
за горести-печали
князя Гориславичем
прозвали.

Ссорились на свадьбах
и на тризнах,
брат ли, сват ли —
словом не перечь!
Век завидной человекьей жизни
обрывал
на поле брани
меч.

В чистом поле —
не бывало плоше —
не дружили с утренней звездой:
пахарь не покрикивал на лошадь,
не шагал оратай
бороздой.

Но зато,
покинувши курганы,
меж собой добычу поделя,
вороньё

картавило погано,
оскверняя
русские поля.

...Были годы — грозы полыхали.
Но такого —
слыхом не слыхали!

VI

ПЕЧАЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*Чръна земля подъ копыты
костьми была посеяна,
а кровию поляна;
тугою взыдоша по Руской земли...*

Да, такого
слыхом не слыхали:
день и ночь
и снова — день и ночь
сабли о шелома громыхали,
копья
щит стремились превозмочь!

Били стрелы
сквозь кольчугу в тело,
сколько пало —
несть им всем числа!..
Кровь впиталась в землю,

почернела
и печалью
из земли взошла.

* * *

Что за шум там слышится
поутру?
Что дрожит-колышется
не к добру?
Игорь-князь пытается
дух поднять —
вернуть
остатнее войско
вспять.

Как пробиться хочется
напрямик:
Взвился красным кочетом
и поник
под стожильной тяжестью
стойкий стяг,
знать, в дружине княжеской
пал костяк.

Тут, у Дона синего,
у крутой излучины
взяли братьев силою,
разлучили —
скрученных...

Что за шум там слышится
поутру?

То листва колышется
не к добру,
шепчется по-своему —
не понять.

Пали в травы воины —
не поднять!

* * *

Мёртвых мучить
враг уже не волен,
по живым —
прошлась плетью орда...
Покатились перекасти-полем
по Руси
обида и беда.

И металась лебедь над Каялой,
словно горе черпала крылом,
и берёза во поле стояла
и в слезах грустила о былом.

Раньше жили мирно да богато.
А сегодня —
брат идёт на брата,
князь на князя
меч булатный точит —
Русь от этих распрей
кровоточит!

Спорят братья:
— То моё и это! —
и не слышат
доброго совета.

Спорят братья
из-за крохи малой
до размаха
сечи небывалой.

Брат на брата скочет,
точно кочет,
а поганый
в стороне хохочет!

* * *

Низко ли, высоко ли
птиц гоняли соколы
да на горе
рядом с морем
пали сами, около!

Море — раскачалось,
горе — раскричалось.

Плачет Карна, кличет Жля,
вставши в изголовье,
плачет русская земля,
голосит по-вдовьи:

«Муж ли, сын ли, лада мой,
почему не рядом?
Как же вас вернуть домой
мыслью,
думой,
взглядом?!»

Не вернуть, не воскресить.
Долго вдовам голосить.

* * *

Чёрн Чернигов.
Над днепровской кручей
Киев закручинился могучий.

И печаль с тоскою
пополам
растеклась обильно
по полям.

Вот что Игорь
вместе с братом спесью
сотворили,
тишину поправ:
пробудили жажду чёрной мести,
что прибил грозою Святослав!

Он сурово поводил очами —
половчане падали с мечами!

Он конём топтал степные дали —
и курганы ниже оседали!

А его шелома позолота
иссушала топи и болота!

Налетел, как вихрь, — и вырвал хана
из седла
и бросил вгорячах:
пал Қобяк на землю бездыханно,
после — в княжей гриднице зачах!..

Пели славу Святославу реки,
песни плыли
из варяг во греки.

Наши земли и чужие дали
Игоря, жалея, осуждали.

Осуждали Игоря, жалея,
утверждали, баяли одно:
потому Каяла и мелее —
князь спустил
все золото на дно!

У Каялы братья пересели
на потник —

из княжьего седла...
И поникло на Руси веселье,
и печаль великая взошла!

VII

СОН СВЯТОСЛАВА

*Святъславъ мутенъ сонъ виде
в Киеве на горахъ...*

В Киеве
в тревожном терему
(что-то скажут
думцы-ясноведы)
князь проснулся,
и сошлись к нему
мудрые бояре для беседы.

«Как сей сон, бояре, толковать? —
князь спросил,
ещё томимый дрёмой. —
Всю-то ночь волхвы мою кровать
укрывали чёрной паполомой⁸.

Осыпали жемчугом меня
из худого вражьего колчана.
И вино,

⁸ Паполома — покрывало.

отравой опьяня,
прямо рогом
черпали из чана.

Эта ночь,
что смутная тоска,
так была виденьями богата:
глянул я —
а терем без князька
и без матиц —
каждая палата.
В дальних дебрях
плакали ветра,
и вороны серые кричали,
и терзали душу до утра.

.....

И бояре князю отвечали:
«Ум твой, княже,
полонён печалью:

с отчего стола
не свиристели, —
не спросясь,
два сокола слетели.

Улетели соколы из дому,
покаялись
испить шеломом Дону.

На чужбине
соколы ослабли,
крылья им
подсекли злые сабли,

а самих —
в железные путины,
чтоб познали
тяготы чужбины!»

Так бояре князю отвечали,
уважая слово и седины.

.....

Святослав сидел в большой печали,
и бояре были с ним едины.
Думал князь о жизни изначала,
и дружина в гриднице молчала.

Из степи
пришли худые вести:
там погасло
солнце русской чести.

Нет для горя и печали мерки —
тут любое сердце захолонет:
оба ясных месяца померкли —
оба сына Игоря
в полоне.

На Каялу и на степь ковылью
тьма упала
непроглядной пылью.

На хвалу обрушилась хула.
Онемели враз колокола.

Чёрный див
на Русь накликал горе.
Взвеселилось
в готских землях море.

И, играя русским златом,
девы
воспевали давние века,
злую месть
леляли напевы
за бесчестье
деда Кончака.

...Думал князь.
Дружинники молчали.
И ковши застольные скучали.

VIII

ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА

*Тогда великий Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смешено...*

И, от ратных подвигов устав, —
только мир — всему первооснова! —
изронил
великий Святослав
со слезами смешанное слово:

«О мои сыновцы-сыновья,
баловни удачи и победы,
рано вы пошли концом копья
поля половецкого
отведать!

Знаю:
ваши храбрые сердца
что мечи
из харалужной стали,
да не по совету мудреца
те мечи
из ножен вы достали.

Горячи, неопытны в душе,
бесшабашной смелостью
едины.

ТОЛЬКО МИР-ВСЕМУ
ПЕРВОСНОКА

Пыль похода вашего уже
оседает на мои седины.

Пошатнулся княжеский устав,
нет во многих землях
прежней веры.

Власть теряет
брат мой Ярослав,
где его хранители застав:
топчаки,

ревуги

да ольберы⁹!!

Те, бывало, на краю земли
в грозных сечах,
в поединках малых
славу предков
строго берегли,
как чекан
на дедовских кинжалах.

А вот вы,
седлаючи коней,
порешили тайно, словно тати:
украдём мы
славу давних дней

⁹ Топчаки, ревуги и ольберы – названия тюркских родов. До сих пор у исследователей «Слова» нет понимания этих названий.

IX

ОБРАЩЕНИЯ К РУССКИМ КНЯЗЬЯМ

*Вступита, господина,
въ злата стремя
за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы...*

Князь Всеволод,
уменьем и числом
кому радеть-следить
за отчим домом?

Ты можешь Волгу
расплескать веслом
и Дон до дна
повычерпать шеломом.

Ужель,
став князем суздальских земель,
забыл в заботах
нашу колыбель?!

Иным бы вышел поворот судьбы —
приди на помощь к Игорю ты кстати:

и половчанки
шли бы по ногате¹⁰,
по самой мелкой резани —
рабы.

Тебе подвластна
славная Рязань
и все её приокские пределы.
Изронишь слово в утреннюю рань,
её князя —
твои живые стрелы!

Бесстрашный Рюрик,
доблестный Давид,
вам степь бросала
сёдла в изголовье.
Щит вашей славы
песнями повит,
меч обagrён
густой степною кровью.

На вражеские полчища знамён
отважный воин
славно разозлён:

¹⁰ Ногата — денежная единица в Древней Руси равная 1/20 серебряной гривны.

так, выгнувши огромные рога,
мчит дикий тур
на своего врага.

Сама судьба
немедля вам велит
седлать коней
да разгуляться в поле
за землю Русскую,
за Игоря,
за волю!

* * *

Князь Ярослав,
на галицкой земле
тебя недаром кличут Осмомыслом.
Высок твой трон
в подоблачном кремле
своим предназначением
и смыслом.

Едва помыслишь —
так тому и быть:
всегда твоя железная пехота
готова путь в Карпаты
заступить
и на Дунае затворить ворота.

Текут по землям
грозы в судный день
от южных гор
до снежных деревень.
И за морями
с отчего стола
разит неверных
верная стрела.

Так что же медлит,
князь, твоя рука —
в неволе зять,
дочь о спасенье молит
пошли скорей полки на Кончака
за землю Русскую,
за Игоря,
за волю!

* * *

И ты, Роман,
забывший слово «страх»,
и ты, Мстислав,
не знающий испуга,
ширяясь в небе
на семи ветрах,
что соколы,
ввысь
тянете

друг друга!

В семье крылатых – оба храбрецы.
В латинских латах ваши молодцы.

Земля дрожит,
когда ступают смело
они в тяжёлых латах –
и не раз
сыны Литвы –
ятвяги, деремела –
шептали заклинанья онемело,
пред ними
на колени становясь.
И половчане,
копья побросав,
пред их мечами
свой смягчали нрав.

* * *

О Ингварь-князь и Всеволод, и все
Мстиславичи по отчине и крови!
Где ваши шлемы
в золотой красе?
Мечи из ляшской стали
наготове?

Да приведёт дорога и звезда
вас, сыновей Волынского гнезда,
загородить,
закрыть ворота полю

за землю Русскую,
за Игоря,
за волю!

Х

ВРОЗЬ ПОЮТ ПОЛОТНИЩА ДРУЖИН

*Ярослави вси внуце и Всеслави!
Уже понизите стязи свои,
а вонзите свои мечи верезени...*

Волна Сулы
плескаться не вольна,
не движет стрежень
грозная Двина.
Там половчане поят табуны,
а здесь Литва
пьёт воду из Двины.

Лишь Изяслав,
князь гродненской земли,
благочестивый муж своей семьи,
не дрогнул,
не извился калачом
и вражий шлем
попробовал мечом!

Кругом багрово пенилась трава.
Он пал на щит и услышал слова.
И смысл был тёмн

и тревожно ал,
как будто в травах
кто-то волхвовал:
«Спи, княже, спи — орланы отпарили,
твою дружину крыльями укрыли!
Спи, княже, спи и очи не труди —
залижут звери
раны на груди!»

И наклонились травы, присмирели,
когда из тела князя,
не спеша,
в золотое
 изронились
 ожерелье
и вознеслась
жемчужная душа.

А стяги братьев, к помощи глухи,
хлестались,
бились, точно петухи.

Лишь трубы городенские в печали
кричали
 и кричали,
 и кричали...

О, внуки Ярослава и Всеслава,
меч на Руси —
запретная забава!

Во имя славы той,
что не забыта,
во имя самых дорогих имён —
пока не сбросил конь вас под копыта —
склоните древки боевых знамён!

Тесна кольчуга старая в плечах,
не счесть зазубрин новых на мечах
от половецкой стали, от иной —
но больше,
больше,
больше от родной!

Пускай не тужат ни жена, ни мать,
раздоры сеять —
горе пожинать!

* * *

Было так,
и в памяти хранится:
век седьмой катился по земле.
Князь Всеслав, томившийся в темнице,
возмечтал о киевском столе.

И, недаром поклоняясь чарам,
из поруба был освобождён,
ум смутил
и смердам, и боярам,
тронул древком в стольном граде трон.

Не украсил славой княжий терем —
с поля брани
хитростью былой
обернулся в полночь
лютым зверем
и сбежал,
объятый синей мглой.

В три наскока
вновь потешил душу:
сшиб ворота в Новгород с петель,
славу князя Мудрого порушил,
до Немиги наметал петель.

* * *

А на этой на реке Немиге
нет ни тока,
ни овина
и ни риги,

ни цепа,
ни молотила,
ни кичиги —
молотьба идёт иная на Немиге!

Молотьба идёт булатными цепами —
поле устлано здесь русыми снопами.
Жизнь на ток кладут,
как жито, то и дело,
веют души на большом ветру от тела.

Берега кровавы
густо слева, справа —
вот какая у реки Немиги слава!

Князь Всеслав
судил, рядил и правил,
сеял смуту,
знал в законах толк.
Днём —
конём горячим дерзко правил,
ночью —
рыскал в поле, словно волк.

Золотеет утренняя мгла.
В Полоцке звонят колокола.
В храм вступают с верою в душе.

Князя нет —
князь в Киеве уже!

Золотеет утренняя мгла.
В Киеве гудят колокола.
Проповедник вышел на амвон.
Князя нет —
в Тьмуторокани он!

Солнце перерыскивал сей князь —
и молчали певни, устыдьясь!

Был он храбр.
Служил копью и древку.
И в соседях беспокойно жил.
Про него давно Боян припевку
прозорливо мудрую сложил:

«Будь смел в боях,
как птица в небесах,
но жизнь твоя —
у бога на весах!»

О, земля родная за холмом!
Как не вспомнить ныне о былом:
эта слава незакатных дней —
торопили русичи коней,

стар Владимир-князь, а вот возьми
пригвозди к горам его гвоздьми,

не сидел он дома, не сидел:
всё за землю Русскую радел!

А сегодня —
непотребный срам:
что ни князь —
свой стольный град и храм,
врозь поют полотнища дружин,
в славе русской —
снова недожин!

XI

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

*Ярославна рано плачетъ
въ Путивле на забрале, аркучи...*

Ярославна рано плачет над путивльской стеною
не кукушкой вековечной, а сердечною женою,
плачет, кличет — этот причет на Дунае, на Каяле
сердце русское услышит и откликнется в печали:

«Как бы я сейчас желала
стать неведомою птицей,
в небо взмыть — и на Каяле
рядом с ладой очутиться.
Да живой рососою ранней
омочить рукав шелковый,
да утишить князю раны
от стрелы ли, от подковы!»

Ярославна плачет-тужит во Путивле утром ранним,
а над нею ветер кружит, кровью пахнувший, дурманом.

«Ой ты, ветр-ветрило зрелый,
улетевший за курганы,
почему ты злые стрелы
мчишь на крыльях от поганых?
Иль тебе не любо веять,
облака качать над Русью,
полнить парус и лелеять

корабли — с верховий к устью?
Разве сузились просторы
на Руси до малой пяди —
почему ты мне на горе
позавил ковыль во пряди?!»

Над Путивлем ранним утром Ярославнин голос вьётся.
Днепр течёт в молчанье мудром,
Днепр в пороги грозно бьётся.

«Днепр-Славутич, ты пробился
в степь сквозь камни и пороги,
ты качал ладьи-насады
у Кобяка на пороге.
Прилелей же, Днепр могучий,
наших милых издалёка,
чтоб от слёз солёно-жгучих
мы не старились до срока!»

Ярославна рано плачет над путивльскою стеною
не кукушкой вековечной, а сердечною женою,
плачет, кличет — этот причет на Дунае, на Каяле
сердце русское услышит и откликнется в печали:

«Трижды светлое светило!
Ты алеешь краше мака,
шлешь тепло ты, не жалея,
людям, травам, хлебным злакам.
Так зачем же ты, владыко,

наше доблестное войско
повалило жаждой наземь
умирать не по-геройски,
жаждой луки поскрутило
и лишило прежней силы?
Трижды светлое светило,
помоги вернуть нам милых!..»

XII

РАДОСТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

*Солнце светится на небесе, —
Игорь князь въ Руской земли;
девицы поють на Дунай, —
вьются голоси через море
до Киева...*

И ударил в берег, разойдясь,
грозный Дон,
разъяснилась погода.
Бог дал знак —
и вышел Игорь-князь
под чужие звёзды небосвода.

Пали в травы сполохи-зарницы,
сонный див
окликнул полутьму.
Игорь мерит поле
мыслью-птицей,

путь от Дона
к дому своему.

И луна,
за князя беспокоясь,
кажет путь до малого Донца.
Вот Овлур
весть подал за рекою —
значит, оседлали жеребца.

Русский ветер —
до чего же свежий —
запах дальней родины принёс.
И проснулись,
заметались вежи,
и залаял
половецкий пёс.

Катится погоня, нарастает
за спиною,
как напольный пал:
и в тростник
 князь юркнул
 горностаем,
и на воду
 гоголем
 упал!

Берега достиг — и снова в стремя,
иноходца торопил и время,
в поднебесье соколом взлетал —
увидать Донец и краснотал!

Там вода
 прозрачная,
 живая,
а над нею —
 ветки на весу.
Мчались Игорь и Овлур, сбивая
с рослых трав
студёную росу.

* * *

И сверкнул Донец —
сын воли и простора,
и сказал,
как надлежит ему:
— Здравствуй, князь!
Ушёл ты от позора —
будет радость на Руси в дому!
И ответил благодарный Игорь:
— О Донец,
поклон тебе земной:
твой гонец — ветроворотный вихорь
позамёл в степи
следы за мной!

Смолкли галки.
Стих вороний грай.
Затаился половецкий край.

Даже слышно,
как из-под копыт
полоз, уползаючи, шипит.

Рвётся в клочья пена на бегу.
Игорь-князь на русском берегу.

Дятлы метят знаки на коре.
Соловьи ликуют на заре.

* * *

Круто развернувшись на скаку,
бросил Гзак
сквозь зубы Кончаку:

«Упустили сокола домой —
соколёнку голову долой!»

И Кончак ослабил удила:
«Не воротит сокола стрела,
а сокольцу
красною девицей
накрепко опутаем крыла!»

Хитрый Гзак
кинжально сузил взгляд:
«Наплодит та пара соколят
и уйдёт на Русь —
и снова птицы
избивать нас в степи прилетят!»

* * *

Песнотворцам
дар особый дан —
смело князя поучал Боян:
«Голову с достоинством
носи,
худо
безголовым на Руси!»

...Светит солнце, радостью струясь, —
в стольный Киев
едет Игорь-князь.

Едет он по градам и по сёлам
ко святой иконе на коне.
Хороводы девушек весёлых
радуются
в русской стороне.

Рады веси,
веселы и грады,
льются песни —
лучшей нет награды!

Вот и время подоспело, братья,
славу князям
и дружине спеть.

Соколы в небесные объяття
высоко взлетают —
молодеть!

Отдельные произведения Г. П. Панова

Библиографический список

1. Доброта : стихи. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. — 56 с. — Содерж.: Циклы : Доброта ; Иду на вы ; Голубые снега ; Русь.
2. Застава : стихи. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. — 79 с. : портр.
3. Июнь : кн. стихов / [худож. Б. Лупачев]. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. — 111 с. : ил. — Содерж.: Циклы: Память ; Русская песня ; Веселые стихи ; Человек на земле.
4. Отрада : поэма, венок сонетов, стихотворения. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. — 110 с.
5. Высокий полдень : стихи и поэмы. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1980. — 110 с.
6. Тихий колокол / [худож. А. Добрицын, М. Рейх]. — Москва : Мол. гвардия, 1982. — 94 с. : ил. — Содерж.: Стихи ; У большой воды : сказы о земляках-барнаульцах ; Поэмы: Сын села ; Глубинный родник ; Венок Шукшину ; Старик Самохин ; Тихий колокол.
7. Отчина : стихотворения и поэмы / [худож. А. Заплавный]. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. — 126 с. : ил.
8. Добрая воля : стихотворения, поэмы. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. — 126 с. : портр. — Содерж.: Стихотворения ; Поэмы: Сын села : поэма-хроника в судьбах ; На поле Ильичевом : поэма размышлений ; Глубинный родник : автобиогр. поэма.
9. Наедине : кн. новых стихотворений / [худож. А. Курдюмов]. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1990. — 127 с. : портр. — Содерж.: «Держав дел больших и малых...» ; Циклы : На рубеже ; Начало ; Наедине.

10. Завет : русский складень : избр. стихотворения, сказы, венки сонетов, поэмы / [вступ. ст. В. Казакова]. – Барнаул : Алт. полигр. комб., 2002. – 207 с. : портр.

11. Русский складень : стихотворения и поэмы. – Барнаул : б. и., 2004. – 175 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Литературное
наследие
Алтая

Геннадий Петрович Панов

Избранное

Редактор: С. А. Мансков
Художник: К. М. Паршина
Корректор: Ю. А. Зименкова
Верстка: И. А. Климашина
Арт-директор: А. Н. Шелепов

Подписано в печать 19.05.2022.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 1500 экз. Заказ 211.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru

Литературное
наследие
Алтая

г.п.